Огонек
20

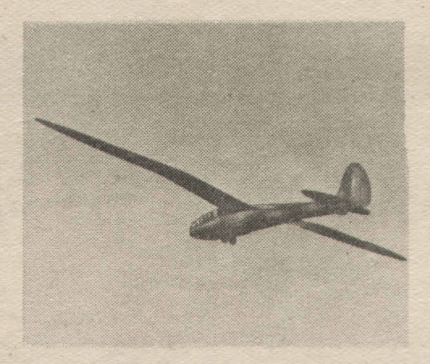
ПЛАНЕРИСТЫ

На зеленом поле Тульского аэродрома, распластав крылья, прижались к траве красные, желтые, голубые и зеленые безмоторные птицы.

Неподалеку выстроились в линейку самолеты-буксировщики.

Напряженно работают команды планеристов, готовясь к рекордным полетам. Это участники XV всесоюзных планерных состязаний. Они собрались сюда со всех концов Советского Союза. Первенство оспаривает около двадцати команд.

В этом году на слете среди сильнейших мастеров безмоторного летания много молодых талантливых планеристов, изучивших летное дело без отрыва от производства. Среди них молодая москвичка Е. Прохорова достигла больших успехов: она заняла первое место в гонках по маршруту Тула — Алексин — Тула, превысив женский международный рекорд дальности полета на одноместном планере в намеченный пункт. Она пролетела 340 километров.

Планер «Крылья освобожденного народа» команды Западной области УССР в полете.

Рано утром один за другим разноцветные планеры, отцепившись от самолетов, набирают высоту и скрываются в облаках.

В программе соревнований полеты на дальность, высоту, продолжительность в заранее намеченный пункт и фигурные полеты.

Вечером в штаб поступают сообщения о новых рекордах.

Результатами соревнований являются новые международные рекорды: мастер планерного спорта СССР Карташев превысил свой международный рекорд дальности полета в намеченный пункт с возвращением на старт, пролетев 390 километров; кроме того Карташев намного превысил рекорд дальности полета на двухместном планере в заранее намеченный пункт (Тула — Харьков); мастер планерного спорта Ольга Клепикова превысила международный рекорд дальности полета на двухместном планере, покрыв по прямой 445 километров.

Замечательный слет был завершен массовым праздником—встречей планеристов с трудящимися Тулы.

Справа вверху — мастер планерного спорта СССР И. Карташев. Справа — мастера планерного спорта СССР О. Клепикова (слева) и Е. Зеленкова.

Вверху — участники соревнований идут на старт. Внизу — молодая московская планеристка Е. Прохорова.

На обложке: Физкультурники Центрального дома культуры железнодорожников (Москва) А. Виноградова, М. Виноградов (делает стойку) и А. Крупенин на тренировке. Фото Я. Босина. На последней странице обложки: Линкор „Марат“. На турнике. Фото Я. Халипа.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 20
(707)
Суббота, 20 июля
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НА БЛАГО РОДИНЫ И НАРОДА

Двадцать пятого июня Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов обратился по радио ко всем рабочим и работницам, инженерам, техникам и служащим, ко всем членам профессиональных союзов с предложением перейти на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю, запретить самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Это обращение штаба многомиллионной армии членов профсоюзов встретило всеобщее, всенародное одобрение. На многолюдных митингах и собраниях рабочие и служащие приветствовали обращение ВЦСПС. Эти митинги и собрания, прошедшие в обстановке высокого патриотизма, ярко продемонстрировали неразрывное единство интересов народа и государства.

Предложения, изложенные в обращении ВЦСПС, одобренные народом, узаконены Указом Президиума Верховного Совета СССР. Воля рабочего класса нашей социалистической родины выполнена.

Переход на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю, укрепление трудовой дисциплины, беспощадная борьба с прогульщиками и летунами дают нашей стране больше металла, угля, нефти, больше танков, самолетов, боевых кораблей, больше паровозов, вагонов, предметов широкого потребления. Уже первые недели работы, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, говорят об исключительных перспективах. Наша страна становится еще более крепкой и богатой. Наша Красная Армия, Военно-Морской и Воздушный Флот, получая все необходимое, становятся еще более сильными, более подготовленными к любой неожиданности в современной международной обстановке, сложившейся в результате второй империалистической войны.

Митинг, посвященный переходу на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю на московском станкозаводе имени Серго Орджоникидзе. Выступает первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Н. М. Суровой.

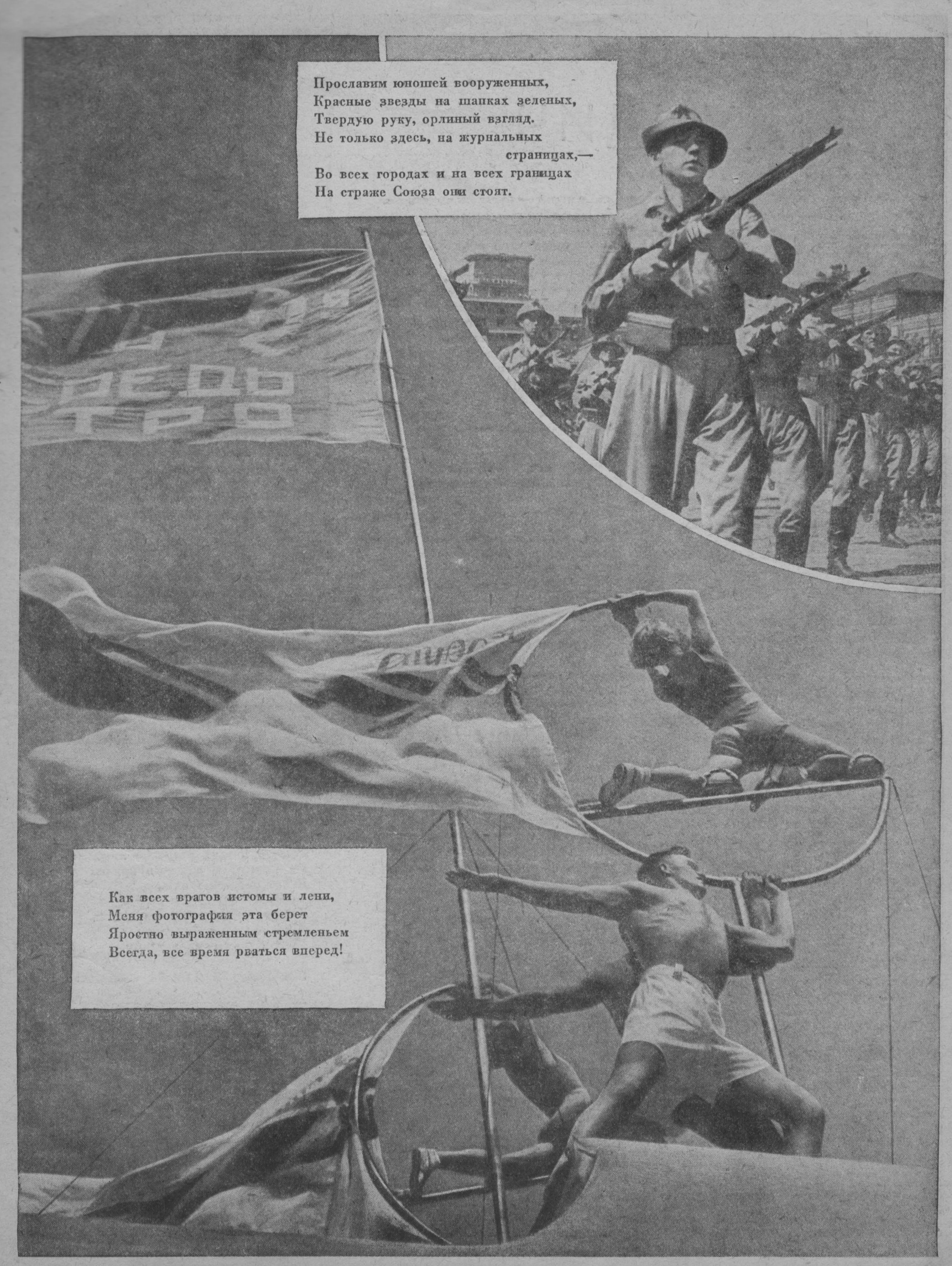
Фото Л. Петрова

Молодость

Фото И. Шагина
Стихи Я. Смелякова

Еще в руке ее эта граната,
Но одно мгновенье спустя,
Вырвавшись из ладони разжатой,
Через весь стадион пролетит свистя.

И так и этак снимок верчу,
Могу на него часами глядеть.
Не знаю, как вы, а я хочу
Пристроиться к ним, хотя бы сбоку,
Так же смеяться, и так же петь,
И голову так же держать высоко.

Прославим юношей вооруженных,
Красные звезды на шапках зеленых,
Твердую руку, орлиный взгляд.
Не только здесь, на журнальных
страницах,—
Во всех городах и на всех границах
На страже Союза они стоят.

Как всех врагов истомы и лени,
Меня фотография эта берет
Яростно выраженным стремленьем
Всегда, все время рваться вперед!

Радуле М. Стийенский

ДУНДИЧ

Иван Антонович Дундич.

«А красный Дундич? Кто его может забыть? Кто может сравниться с этим буквально сказочным героем в лихости, в отваге, в доброте, в товарищеской сердечности? Это был лев с сердцем милого ребенка...»

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Я настроил сербские гусли,—
Тетива тугая натянулась.
Пусть о Дундиче новое слово
Ято [1] соколиное услышит.

Заиграйте, сербские гусли,
Как пристало гуслям — громовито;
Пусть до голубого Ядрана [2]
Долетит моя простая песня
О могучем юнаке Иване,
Храбром сыне сербского народа.

Гей, идет двадцатый век по скалам,
Украшается поле цветами,
Украшается юнацкой силой Дундич.
Тут и кликнул громкий клич Буденный,
И услышал Дундич побратима.
Он выводит коня вороного,
Сербского коня Бедевия.
Смотрят на Ивана сербиянки,
Простирают прекрасные руки:

— Поглядите на Дундича, люди:
Тесно в сербских полях юнаку:
Льва на привязи не удержишь;
Скоро через фронт прорвется Дундич,
Он скучает по дальним просторам.

Скоро через фронт прорвался Дундич,
Он с Буденным говорит по-русски,
По Кубани летает, по Придонью,
По воронежским полям черноземным
И от Курска до города Ростова
Белых войводов [3], как зверя, травит.

Хлынул Дундич горным водопадом,
А за ним другие — морем гулким.
Он врезается в белых с налета:
В левой — сабля из стали богемской
С двумя глазами на рукояти,
В правой — маузер «Мужское сердце»
Знаменитого завода Шкоды.

Если сто врагов он увидит,—
Пятьдесят до седел порубит,
Пятьдесят он конем потопчет;
Если тысячу врагов заметит,—
Он всю тысячу уничтожит;
Если враг от него уходит,—
Гневный маузер свой наводит
На врага неукротимый Дундич,
Враг ложится на сырую землю,
Как трава под сверкающей косою.

На рассвете голубые зори
Подорожник моют росою
И подернуты серебряные реки
Синей мглой — русалочьим дымом.
Сон еще обнимает землю —
Храбрый Дундич задремать не хочет:
Сторожит великую победу.
Он коней у врага уводит,
Похищает у него оружье,
А потом возвращается, сокол,
Первой Конной приносит добычу.
Он смеется и шутки шутит,
И поет старинные песни,
И цветок он в поле срывает,
Держит в левой руке незабудку,
И глядит в глубокое небо.
Ночью снова буря нисходит,
Ливень бьет по земле, как в бубен,—
Сабля Дундича молнией блещет,
Грома громче маузер юнака.

И его назвал Ворошилов
Красным Дундичем, славным командиром,
Львом бесстрашным с сердцем ребенка.

Лейся, лейся, голос громких гуслей!
Вейся, вейся, смычок торопливый!
Слышу скрежет великой битвы,
Топот быстрых подков под Ровно.
Ворон каркает в розовом небе,
А заря опускает веки:
Верно, крови людской боится...
То не ворон каркает в небе —
То трепещет польское знамя,
Панская конница показалась,
Подорожная пыль заклубилась,
Блещут в воздухе подлые пики.
Ополчились контраши [4] на Россию,
Взять хотят страну молодую.
Напряглось орудийное горло,
И огонь петушиным гребнем
Вспыхнул над жерлом шестидюймовым.
И раскрылась первая граната.

Первый раненый упал на землю
И погладил холодной ладонью
Влажную щеку земли родимой:

— Ты прости меня, милая мама,
Что тебя пятнаю алой кровью,
Ты прости, что я умираю,
Не увидев твоей свободы.

А земля ему отвечала:
— Спи спокойно, сын мой достойный,
Отгремят великие войны,
Расцветут благовонные травы
На полях, увлажненных кровью.
И увидел раненый, умирая,
Очи Дундича над собою,
Только слов его не расслышал.
Тут ему и смерть приключилась.

А в ярутах кони верещали,
Кровь рекой текла по чернозему.
И тогда показался Дундич
На крылатом своем Бедевии.
Он взлетел, как сокол могучий,
А за ним юнаки другие.

«Гибнем, гибнем»,— вскричали поляки,
Побежали в страхе великом,
Потоптали польские кони
Белой Польши разорванное знамя.

— Возвращайся, буденновец Дундич,—
Трубят молодые горнисты,—
Слава брани тебя приветит,
И Буденный тебя похвалит.

День уже прошел наполовину,
И последняя в отдаленьи
Польская винтовка прогремела.

— Дундич, Дундич, что с тобою сталось?
Ты зачем в седле покачнулся?
Почему голубое небо
Стало черным с золотом по краю?

Ничего не отвечает Дундич,
Сердце львиное остывает,
И роняет последнюю кровинку,
Как слезу роняет ребенок.

Дундича уносит конь могучий,
Хлещут воздух широкие крылья:
Не глядели б мертвые поляки
В его погасшие очи.

Гей, трещат гранитные скалы,
А по скалам время шагает,
Украшается поле цветами.
Триста Дундичей на кургане
Над юнацкой могилой клянутся:

— Мы клянемся твоею славой
Быть такими, как ты, в сраженьях,
Быть такими, как ты, с друзьями.

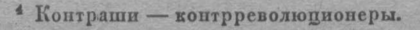
Слава, слава, слава юнаку!

Я клянусь оружьем партизанским
Стать в ряды его младших братьев,
Буду биться с контрашами на смерть,
Чтобы гусли звенели веселее,
Чтобы гнутый смычок не плакал.

То, что было,— воистину было.
Здесь нам будет и мир и счастье.

Перевел с сербского
АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

[1] Ято — отряд, насчитывающий пятьдесят ружей.
[2] Ядран — Ядранское (Адриатическое) море.
[3] Войводы — воеводы.

[4] Контраши — контрреволюционеры.

На тактических занятиях в частях МВО. Стрелковое отделение перед атакой выдвигается на огневой рубеж.

БОЕВАЯ УЧЕБА В ЛАГЕРЯХ

Фото Ник. Соловьева

В центре: пулеметный расчет командира отделения Б. А. Павленко ведет огонь по воздушным целям. Слева: лучший гранатометчик подразделения, которым командует К. Г. Кисляков, курсант-комсомолец В. Н. Коновалов. Справа: курсанты-комсомольцы В. И. Решетников (слева) и Н. М. Капустин на огневой позиции.

ПОД СОЛНЦЕМ ГРУЗИИ

Текст и фото Юрия Еремина

На склонах отлогих гор и холмов, у теплого южного моря, раскинулись зеленые рощи и сады.

Далеко на горизонте видны вечно белые вершины исполинских гор; с них бурными потоками стекают реки, неся с собою плодородный ил; наслаиваясь веками, ил образовал широкие равнины, на которых разрослась дикая, буйная растительность, перевитая и спутанная колючими лианами.

Колхида! Какие богатства связаны с этим словом! Древние культурные народы Средиземноморья, главным образом греки, пускались в опасное плавание по негостеприимному Понту Эвксинскому, вывозя из Колхиды обильные дары природы. Позже национальные распри, раздоры и войны разорили край, и он заполнился сорной и бесполезной растительностью, под сенью которой из заболоченной почвы распространялись вредные испарения.

Еще двадцать лет назад почти по всему побережью царствовала лихорадка и выли надрывно шакалы. Огромные пространства земли не были заселены и возделаны, и лишь небольшие города-курорты посещались, и то неохотно, приезжими; но пришел новый человек и вступил в борьбу с дикой природой и лихорадками. По равнинам, ущельям, склонам гор под благодатными лучами субтропического солнца зазеленели и зацвели пришельцы далеких стран: эвкалипты, пальмы, магнолии, камфарный и благородный лавры, чай, редкие плоды, лекарственные растения и эфиро-масличные культуры. Американский тунг, дающий лучшее масло для лакокрасочной промышленности, прекрасно приспособился к новой обстановке; его развесистая крона с широкими, лапчатыми листьями видна во всех уголках побережья, а обильные гроздья зеленовато-бурых плодов отягчают раскидистые ветви. В феврале зацветают желтые мимозы, и вслед за ними начинается бесконечное чередование всевозможных цветов. Огромные плантации роз цветут до глубокой осени, а некоторые виды не прекращают цветения и в течение всей зимы.

В темной блестящей зелени прячутся золотые плоды: померанцы, лимоны, мандарины, апельсины, бергамоты, цитроны, грейпфруты, помпельмусы и другие — самых разнообразных размеров, окрасок и форм.

Всесоюзная селекционная станция влажных субтропических культур вырастила и акклиматизировала редкие виды цитрусовых: в садах станции оранжевым пламенем горят на солнце священные плоды японцев — цитроны; на небольшом деревце, не более одного метра высотой, покачиваются два гавайских помпельмуса гигантских размеров, величиной с человеческую голову; благоухает бергамот, из которого изготовляется кельнская вода (одеколон); на тонких и упругих ветвях, с огромными и крепкими как железо шипами, висит продолговатый как дыня, с бугристой кожей, иудейский цитрон. Особенно ин-

Цитрон «Рука Будды».

«Двухэтажное» дерево: грейпфрут в кроне мандарина.

тересен выращенный станцией впервые в Союзе цитрон «Рука Будды» — священный плод Индии; в незрелом состоянии плод этот имеет вид руки, сжатой в кулак, при созревании отростки распускаются и пожелтевший плод уже совсем представляет собой кисть руки с пятью пальцами.

Поздней осенью всюду видны деревья, покрытые темнокрасными плодами: это хурма; ее плоды созревают поздно, когда с дерева опадут уже все листья.

На деревьях висят плоды, похожие на помидоры, а содержимое плодов заменяет масло: это гость далеких восточных стран — авокадо.

С каждым годом все больше и больше расширяются площади садов и чайных плантаций и природа щедро награждает своими дарами трудящихся Грузии.

Совхозы, колхозы, научные станции и институты показывают в этом году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке свои достижения не только в прекрасном Павильоне Грузии, но и во многих других.

Гавайские помпельмусы величиной с человеческую голову.
Вверху: ветка хинного дерева.

Гостья далеких восточных стран — авокадо.

Гроздь грейпфрутов.

В. Ардов

Колхозная гостья

Иллюстрации худ. И. Гринштейна.

РАССКАЗ

Во время завтрака Александр Петрович Шувалов — московский житель и ответственный работник в одном из московских учреждений — сказал жене:

— Да! Я тебе еще не говорил: мать собирается ко мне приехать, как она пишет, на недельку.

Жена — Валентина Ивановна — вежливо, но не совсем приязненно подняла брови и произнесла:

— Это новость!.. Что это она надумала?

Несколько смущенный тоном жены, Шувалов ответил:

— В общем вышло так, что я сам ее пригласил. Десять лет собираюсь повидаться со старухой, хотел к ней поехать на отпуск, но выяснилось, что отпуск будет нескоро... Мне стало совестно обманывать, я и предложил ей приехать сюда. Вот письмо: она выезжает на той шестидневке...

Валентина Ивановна с подчеркнутым равнодушием взяла из рук мужа помятый листок дурной бумаги. С трудом разбирая корявый почерк, она стала читать:

«Во первых строках кланяюсь родному нашему сыну Александру и дорогой сноше...»

— Сношеньке. То есть — тебе, снохе, — пояснил Александр Петрович.

Валентина Ивановна улыбнулась, и он покраснел от досады и стыда за свою мать. Все сидевшие за столом тоже сперва улыбались, а теперь отвернулись друг от друга, ощутив неловкость. А Валентина Ивановна вернула мужу письмо, сказав:

— Очень трудно одолеть такой почерк и... стиль. Главное я уже знаю — о приезде...

Лицо Валентины Ивановны изъявляло откровенное огорчение. Шувалов примерно понимал, что именно огорчает жену. В их супружеской жизни протекал период не очень благоприятный. Было много мелких ссор, встречались и серьезные столкновения. Жене казалось, что Александр Петрович мало бывает дома. Она полагала, что дело не только в службе. Мужу, вероятно, прискучило проводить время с нею. Потом Валентина Ивановна тревожилась и по тому поводу, что, с ее точки зрения, Александр Петрович чересчур много стал пить.

Александр же Петрович считал, что пьет он немного, а если ему и случалось иногда быть навеселе, то это всегда было вызвано каким-нибудь стечением обстоятельств. Это были случайности, а не система, как утверждала жена. Сетования жены на то, что он мало проводит с ней времени, только раздражали Александра Петровича. Тут он усматривал обычное для женщин желание забрать в свои руки мужа.

В сущности, Александр Петрович разделял неудовольствие жены по поводу приезда его матери. Он тоже хотел бы изжить свои ссоры с женою без свидетелей и без огласки.

Восемнадцатилетняя Катя — дочь Александра Петровича от первого брака (она тоже сидела за столом) — спросила, выдержав приличную паузу:

— А куда мы поместим бабушку, пока она будет здесь?

И на катином лице было написано недовольство. У Кати начался первый в ее жизни настоящий «роман». Товарищ по институту, студент Сева Никольский, часто посещал ее. Кате точно было известно, что отец и мачиха неодобрительно относятся к этим визитам. Отцу казалось, что Сева недостаточно красив, недостаточно талантлив, мало обещает в жизни. Своей дочери он желал бы не такого мужа. Валентина Ивановна полагала, что Катя чересчур молода. Ее раздражало то обстоятельство, что этот «серьезный роман» ставит Катю почти на одно положение с нею — на положение взрослой.

Приезд бабки Катя расценивала как появление еще одного семейного авторитета, который, несомненно, станет против нее и Севы.

— Да, — подхватила Валентина Ивановна, — где ты думаешь положить старуху?

— Я думаю так: мать будет ночевать в комнате у Кати. Кате мы отдадим на время уголок Вовки, — и Александр Петрович кивнул головой на отгороженную ширмами часть столовой, где проживал десятилетний Вовка со своими аквариумами, клетками и огромным количеством металлического лома, накопившегося за все десять лет его жизни.

Валентина Ивановна невольно погладила Вовку по голове, тревожась за то, как примет бабушка городского внука, которого она никогда не видала.

Теперь и Вовка был огорчен, узнав, что ему предстоит допустить сестру в свой уголок, ко всем его сокровищам. К тому же мальчик почувствовал, что взрослые не слишком рады приезду бабушки. Он исподлобья поглядел на родителей и сказал:

— Сидела бы она лучше в своем колхозе!

— Ты о ком это говоришь?! — строго прикрикнул отец. — Сядь как следует, возьми вилку в левую руку и молчи, когда тебя не спрашивают!

Обратившись к домашней работнице, Шувалов продолжал с той же строгостью:

— Дуся, долго вы будете стоять с кофейником в руках? Принесите молоко. Всякий раз надо напоминать!..

Расторопная Дуся обиженно заиграла бровями, опустила кофейник на проволочную подставку и вышла. По всему было видно, что и она неприятно взволнована приездом старухи.

Когда Александр Петрович уходил на работу, он слышал, как Дуся громко делилась своими мыслями с приятельницей, которая забежала к ней из кухни этажом выше.

— И так день-деньской маешься, — громко сетовала Дуся, — все-таки своих четыре человека, да гости, да жених шляется, а тут еще старуха приедет. Откуда? Из деревни. Что, я этих колхозных старух не знаю?.. Спасибо, у нас хоть хозяйка — не копеечница... А старуха приедет, она себя покажет! У нее не хочешь, а в воровки попадешь!..

Соседка вздыхала с глубокими всхлипываниями, цыркала и повторяла заученной интонацией:

— Да, да, да...

Поезд, который привез Аграфену Петровну — мать Александра Петровича, — пришел рано. Шувалов сам съездил на вокзал и доставил на такси маленькую старушку с двумя деревенскими холщевыми мешками, набитыми всякой всячиной.

Валентина Ивановна встретила свекровь в передней и, холодно протянув ей руку, произнесла:

— Очень рада.

Старушка по-деревенски обтерла ладонью рот и трижды поцеловала Валентину Ивановну со щеки на щеку. Шувалов тронул мать за плечо и, указывая на комнату дочери, сказал:

— Ну, мамаша, постановили мы тебя вселить в катину комнату, а Катю на время — к Вовке...

Старушка замотала головою и замахала обеими руками:

— Ничьих местов я занимать не буду, Сашенька! — тихо, но решительно сказала она. — У вас где диванчик есть или кроватка раскидная? Там я примощусь. Сплю я по-стариковски: на рассвете засыпаю, на рассвете просыпаюсь. Нюша, сестра твоя, говорит, что меня в сторожа надо определять в ночные при колхозных то есть амбарах...

Тут Валентина Ивановна первый раз посмотрела в глаза свекрови. Глаза были светлосерые, почти вовсе бесцветные. На первый взгляд, проницательные, строгие, а если вглядеться, то совсем добрые и ласковые.

Вовка был уже в школе, Катя — на лекциях. Супруги позавтракали со старухой (Аграфена Петровна выпила чашку чаю и пожевала кусок булки), и оба ушли по делам.

Дуся, внезапно, как Мефистофель, появлявшаяся во всех тех помещениях, куда водили старуху, тоже ушла в «Гастроном». Старушка, шатаясь от усталости после поезда, прошлась по всей квартире, открывая двери и зажигая электричество. Потом поплелась на кухню, обнаружила теплую воду и стала мыть посуду.

Когда Дуся вернулась из магазина, посуда была уже вымыта, сложена акуратной горкой и прикрыта чистым полотенцем. Аграфена Петровна с лицом, просветлевшим от радости привычного труда, кирпичом начищала медную кастрюлю. Дуся была приятно поражена. Со всей городской церемонностью она, не торопясь, ахнула и кокетливо спросила:

— Ой, да кто ж это мне посуду всю перемыл?

— Я, дочка, я, — отозвалась Аграфена Петровна, надраивая кастрюлю.

— Вот спасибо-то вам. Только напрасно вы... Я бы сама... Сейчас полтинник этот найду и комнаты пойду прибирать.

— Какой полтинник, дочка?

— При покупках полтинник у меня куда-то пропал. Нето я его передала, нето мне его недодали.

Говоря это, Дуся испытующе глядела на старушку. Весьма возможно, что полтинник у Дуси и не пропадал. Это мог быть тонкий прием для того, чтобы выяснить степень зловредности приехавшей старухи.

Аграфена Петровна выдержала испытание блестяще. Услышав про полтинник, она необыкновенно сочувственно покрутила носом.

— Плюнь, дочка, не расстраивайся! — заявила она. — Кто денег не платил, у того только не пропадало. Да я сама сколько раз вот за хозяйскую копейку билась, а потом, смотришь, и сыщется твой полтинник.

— А вы что же, — ласково уже спросила Дуся, — в работницах тоже жили?

— А как же, моя милая, а как же... Пятнадцать лет в прислугах. Ну что, тебе-то хорошо здесь живется?

Окончательно покоренная, Дуся заговорила совершенно той же интонацией, что и с приятельницей своей, которая служила этажом выше.

— Особенно худого не скажу, — решительно, как приговор вынеся, сообщила Дуся, — работой не донимают. Веру имеют. И в харчах, конечно, не урезывают. Но я так скажу: за человека не очень

считают. Нет того, чтобы поделиться или у тебя спросить про жизнь, а все только: подай, прими, накрой, сходи...

Старушка уже сидела на стуле совершенно в той позе, в какой обычно сиживала дусина приятельница. Тут она опустила веки и помотала головой, не открывая глаз.

— Ишь чего захотела, милая,— начала Аграфена Петровна,— мало, что они тебя за человека не считают, они дружка дружку и то, небось, редко видят. Спешка! Все у вас тут в городе так и мелькает, так и мелькает. Как вы друг друга в лицо-то признаете, я удивляюсь...

Задушевная беседа продолжалась до самого возвращения из школы Вовки. Открывая Вовке дверь, Дуся сказала ему сварливо, будто он успел уже в чем-то провиниться:

— Небось, бабушка приехала, мог бы зайти на кухню поздороваться... Родного отца родная мать!

Вовка страшно смутился и покраснел. В кухне он появился благодаря внушительному толчку со стороны Дуси.

Но Аграфена Петровна встретила внука с такою лаской и так просто, что мальчик сразу же подставил стриженую голову под загрубевшие бабушкины ладони. Дуся наблюдала за встречей с лицом церемониймейстера, который приставлен специально, чтобы предотвращать возможные нарушения этикета. Через две минуты она нашла нужным сказать:

— Ну, сказал бы что-нибудь бабушке. Показал бы ей, чего у тебя есть.

Вовка, приоткрыв рот, глянул на Дусю, а затем послушно сказал:

— Пойдем, бабушка, я тебе покажу, какие у меня есть игрушки и вуалехвосты.

— Пойдем, внучек, пойдем, миленький...

Вовка показывал бабушке все свое достояние, включая и железный лом, в течение полутора часов кряду. Бабушка вежливо удивлялась, ахала, качала головой, по вовиному требованию пробовала силу различных пружин, быстроту и увертливость рыбок, мягкость перьев у щегла. Когда надо было, быстро все понимала. Когда не надо было, притворялась наредкость непонятливой и тем давала возможность Вовке показать свою ловкость и сообразительность.

Потом Вовке прискучило поражать бабушку и он захотел пойти гулять.

— Дуся! Ду-у-усь! — закричал он.— Я гулять пойду. Идем со мной!

— Мне некогда,— внушительно откликнулась из кухни Дуся,— видишь, я обед готовлю...

— Ну, я сам пойду.

— А самому нельзя. Мама что говорила? Автомобили здесь ездят... Мальчики нехорошие обидеть могут...

Поучая, Дуся страшно гремела противнем, на котором она по своей инициативе пекла пирог в честь приезда Аграфены Петровны.

Но Аграфена Петровна была уже в передней и, натягивая на себя черненькое пальтецо, говорила:

— Уж так и быть, я с тобой пойду, внучек, я погуляю. И также мне тебя жалко. У нас вон в колхозе мальчишки цельный день гоняют, где хотят, никого не спрашивают. Зимою по речке на салазках, летом в лес по ягоды ходят, по грибы...

— Одни?—недоверчиво спросил Вовка.

— А кто же с ними пойдет? Кто постарше, все на работе.

— Такие маленькие и—одни?

— И помене твоего одни ходят. Известное дело—деревня. У нас ребятам хорошо живется, не как тебе. А вот ученье кончишь к лету, просись у родителей ко мне, дескать, к бабушке в колхоз погостить. Я тебе и грибные все места покажу, и ягодные, и где орешник растет.

Вовка вышел на улицу, слушая бабушку с невероятным вниманием.

Когда Александр Петрович и Валентина Ивановна вернулись домой к обеду—часов около шести вечера,—они застали Вовку в столовой у дивана. На диване дремала уставшая Аграфена Петровна, а Вовка безжалостно дергал ее за рукав и канючил:

— Бабушка, а, бабушка, а как у вас лисиц ловят?

— Так и ловят,— сонным голосом отвечала Аграфена Петровна.

— А как—«так»? Ты говоришь, капканы ставят?

— И капканы...

— А как ставят капканы?..

Увидев родителей, Вовка оживленно сообщил им:

— Она мне все про колхоз рассказала: и как что ловят и как собирают. Я на лето к ней поеду в деревню, когда нас из школы распустят. Можно?

После обеда старуха пошла на кухню. Опять помогала Дусе и сидела там до вечера. Дуся громовым голосом рассказывала ей всю свою жизнь.

Александр Петрович работал у себя, а Валентина Ивановна ушла в гости к приятельнице. Вовка делал уроки и каждую минуту прибегал в кухню, чтобы сообщить бабушке какое-нибудь событие из жизни их класса. Но так как жизнеописание Дуси было не подходящим для его ушей, его все отсылали назад.

Потом к Кате пришел ее друг—Сева Никольский. Очень скоро после этого Катя появилась на кухне и сказала смущенно:

— Бабушка, там у меня сидит один товарищ... Он с тобой хочет познакомиться. Пойдешь?

Старуха пошла очень охотно, обдернув юбку и поправив платок на голове. Войдя в комнату к Кате, она произнесла:

— Ну, здравствуй, здравствуй, голубчик. Дай-ка я на тебя погляжу... Ой, да какой ты ладный, красивый из себя... А внучку-то мою любишь, а? Ну, отвечай старухе.

Молодой человек, который перед родителями все делал вид, что его посещения носят деловой характер: то он будто бы приходил за учебниками, то приносил лыжную мазь особого состава, то заходил справляться относительно совместного посещения музея,—вдруг улыбнулся и сказал просто:

— Очень люблю, Аграфена Петровна.

— Ой, что это нехорошо как, Сашенька... Вы ведь люди городские, вам бы помягче надо... Да особенно... с женою...

Бабушка поцеловала его и Катю, посидела с ними минут пять, расспрашивая Севу о том, где и как он живет, чем занимаются его родители и прочее. Потом она отправилась к Александру Петровичу. Лицо у нее было значительное и растроганное. Она закрыла за собой дверь и заявила:

— Сейчас смотрела я катиного жениха. Красавец!..

Александр Петрович хотел было снисходительно улыбнуться, но, вызвав в памяти внешность Севы, вдруг понял, что молодой человек действительно недурен собой, и улыбнулся почти самодовольно. А бабушка продолжала:

— И любит ее. Ничего не скажу, любит. Правда, и она его крепко любит...

— Да ты-то это откуда все знаешь?..

— И-и, милый, я эти дела животом чую. Про посторонних и то понимаю, а тут—родная внучка... Когда свадьбу-то играть думаете?

Александр Петрович крякнул и задумался. В это время вошла Валентина Ивановна, и он обратился к жене:

— Вот мать спрашивает, когда мы Катю отдадим замуж. Говорит, что ей нравится этот Сева...

Валентина Ивановна сухо отозвалась:

— Не знаю. По-моему, Катя еще молода...

— Как же молода? — с искренним удивлением спросила старуха. — Я-то уж в ее годы... Да ты сама скольких лет замуж выходила?

Валентина Ивановна стала прикидывать. Вышло, что разница в возрасте была не так уж велика, а главное, Валентина Ивановна вспомнила, что и на ее пути стояли почти эти же самые препятствия. Вспомнила она и то ощущение несправедливости, которое было у нее тогда... И впервые Валентина Ивановна благосклонно отнеслась к замужеству своей падчерицы.

Александр Петрович по случаю приезда матери хотел посидеть вечер дома, но через час, когда было все обсуждено и повторялись только уже высказанные ранее мысли, он надумал уйти. Валентина Ивановна сердито заметила:

— Ты бы хоть матери постеснялся!

— Почему я должен стесняться матери?—прохладно спросил Александр Петрович.

— Мне кажется... — Валентина Ивановна пыталась остаться спокойной, но ей это не удавалось,— мне кажется, что в день приезда твоей матери... да, твоей, а не моей... ты мог бы и остаться дома!

Но даже сорвавшись в гневный тон ссоры, Валентина Ивановна больше наблюдала за свекровью, чем смотрела на мужа. Она ждала, что старуха, если не словом, то хоть выражением лица обнаружит свою симпатию к сыну против нее, невестки. Но Аграфена Петровна, кряхтя, отошла в угол, к своим мешкам, и принялась для чего-то перебирать их содержимое. А когда ссора разрослась и Александр Петрович крикнул жене что-то очень резкое, старуха, не торопясь, вышла на середину комнаты, покачала головой и укоризненно сказала сыну:

— Ой, что это нехорошо как, Сашенька... Вы ведь люди городские, вам бы помягче надо... Да особенно... с женою...

Валентина Ивановна тяжело дышала от обиды и придумывала, что бы позлее ответить мужу. Поступок свекрови поразил и даже тронул ее. Она почувствовала, что может прослезиться. Мелькнула мысль: «Как глупо! Еще недоставало реветь, чтобы она подумала о нас чорт знает что!..»

Александр Петрович, смущенный, покинул комнату. Произошла пауза.

Аграфена Петровна снова обратилась к своим мешкам. Только когда хлопнула выходная дверь,— значит, Александр Петрович все-таки ушел,—старуха произнесла:

— И ну его! Ты знаешь их—мужиков: покуда его дома держат, он все на сторону глядит. А отошли ты его завтра куда-нибудь, он как пришитый будет.

— Да, но мне скучно без него... тоскливо...—ответила Валентина Ивановна.

— Как не тоскливо! Что ж я сама не знаю? Иной раз цельную ночь не спишь: все мужа дожидаешься. Его, может, дела домой не пускают, а, может, и загулял где... И так тревожно... Все ду-

мается: а ну как обидит его кто, особенно по пьяному делу? А утром он и является: здрасьте, пожалуйста, тут как тут, целый и невредимый. И даже непьяный. Такая уж наша женская доля была. Это нынче за бабу и суд заступается, и собрания, и газета, а раньше-то...

Валентина Ивановна помолчала, а потом заметила как бы невзначай:

— Видите, мама, он еще пить стал.

Лицо у старухи сделалось серьезным.

— Пить?—переспросила она.— Это худо. Что ж он, не дай бог, запойный? На работе пьет?

Предположения старухи были так далеки от того, что было на самом деле, что Валентине Ивановне вдруг стало ясно: печалиться решительно не о чем.

Валентина Ивановна улыбнулась совсем безмятежно и поспешила успокоить старуху:

— Нет, мамочка, до этого дело не доходит. Он вообще без компании и не притрагивается к вину.

Старуха вздохнула в свою очередь:

— Ну, это — что... Я было испугалась. А так, я вижу, вы хорошо живете, ладно...

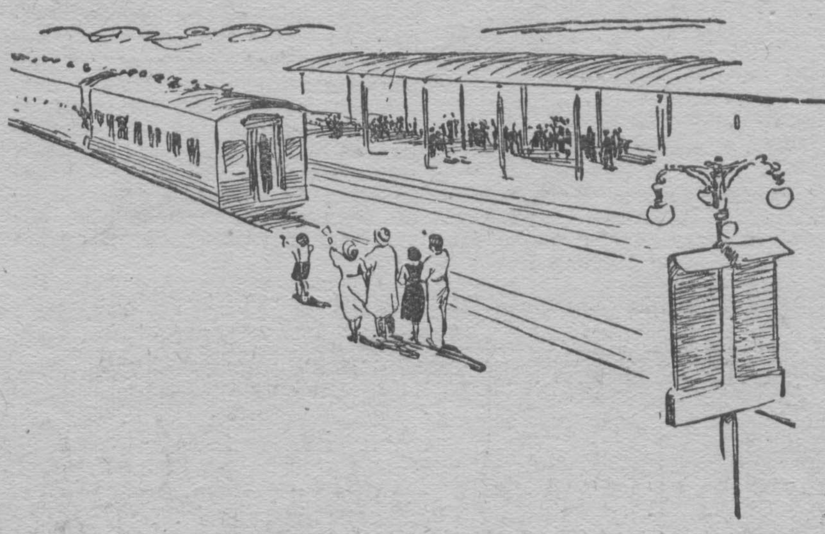
Валентине Ивановне показалось, что старуха совершенно права. Действительно, жизнь шла хорошо и без особенных забот и тревог. Впрочем, она тут же заговорила со старухой о том, что вот надо послать Александра Петровича в дом отдыха—очень уж он заработался,—купить кое-что из домашней утвари и прочее.

Александр Петрович вернулся поздно. Дверь ему открыла старуха и на вопрос, что слышно в доме, отозвалась шопотом:

— А что может быть слышно?.. Спят все.

— И Валюша спит?

— А то как же?.. Чего ей, до петухов сидеть?

Поезд тронулся. Все шли рядом с вагоном, пока было возможно...

— Сердилась она на меня?

— Что-то не приметила. Часов до двенадцати мы с ней поговорили—все про дела, а потом и спать полегли...

— Ты у меня, мамаша, прямо ангел мира,—улыбаясь сказал Александр Петрович и обнял мать.

Старуха, почти кокетливо поджав губы, заявила:

— Какой из меня ангел... Я вот чертям скоро достанусь на закуску...

— Ну, ну, ну, поживем еще!—отмахнулся Александр Петрович и прошел в спальню.

...Уезжала бабушка не через неделю, как предполагала, а через две с половиной недели, «погулявши на катиной свадьбе», по ее выражению. Провожали всей семьей. А Дуся, которая осталась дома, выбежала на улицу простоволосая и долго махала рукой вслед машине.

По пути и на вокзале все уговаривали бабушку:

— Ну, куда торопиться? Пожили бы еще у нас!

— Нет, детки,—твердо отвечала старуха,—надо, надо и честь знать. Да и в деревне меня дожидаются. Я ведь там на дело нужна—не на безделье. А если у вас что тут не наладится, то вы сейчас—письмо ай телеграмму. Я ведь быстрая: котомку собрала и—на поезд...

— До поезда-то от вас 50 километров,—напомнил Александр Петрович.

— Это правда. Это есть. Только по другому делу мне и приезжать не требуется. Я все теперь сама знаю. Я по другому делу только что письмо напишу...

— С поклонами письмо,—отчасти иронически, а отчасти нежно сказала Валентина Ивановна,— «во первых строках моего письма...»

— А как же! Во первых строках, как водится, поклоны. А потом и про то пишется, какая кому есть надобность...

На перроне все немного взгрустнули, у всех навернулись на глаза слезы. Вовка откровенно плакал и сказал басом:

— Ты мне, бабушка, пришли из деревни чертеж, как у вас делают скворечники.

— Постараюсь, внучек, уж постараюсь... Но только не обещаю: не знаю, кто будет чертить...

Поезд тронулся. Все шли рядом с вагоном, пока было возможно. У окна стояла старуха. Теперь плакала она, а провожавшие улыбались.

В колхозной столовой. Тамбовская область, Кирсановский район, колхоз имени Ленина.

Фото А. Узлян.

Ф. Кандыба

БУДУЩИЕ УЧЕНЫЕ

Представьте себе несколько соединенных вместе огромных дирижаблей, которые неподвижно стоят на высоте 600—700 метров над раскинувшимся в равнине городом или над степью и колхозными полями.

Дует ветер, налетает буря, быстро вращаются громадные воздушные винты дирижаблей, но сами они остаются на месте и только как флюгеры поворачиваются по ветру. На дирижаблях, прочно прикрепленных стальными канатами к земле, установлена ветроэлектрическая станция. Воздушные винты дирижаблей, приведенные в движение ветром, передают энергию ветра динамомашинам, которые превращают энергию в электрический ток.

Это проект советского инженера Егорова. Он выдвинул мысль соорудить огромные дирижабли, которые несли бы ветродвигатели и динамомашины высоко над селами и городами и по проводам, спускающимся вниз, давали бы им ток.

Ветродвигатель в 100 лошадиных сил на высоте 600—700 метров, где средняя скорость ветра достигает 11 метров в секунду, увеличивает свою мощность в 27 раз.

Проект инженера Егорова в научной технической литературе еще не освещен. Он лишь разрабатывается и обсуждается.

Ученик 9-го класса 64-й школы в Воронеже Владимир Нефедьев вместе с товарищами прочитал о проекте Егорова и решил построить модель ветроэлектростанции весом в один килограмм и поднять ее на дирижабле объемом в полтора кубометра хотя бы на 20 метров. Нефедьев долго изучал вопрос, произвел расчеты и в конце концов разработал с товарищами конструкцию. Она вышла достаточно удобной и простой. Модель оказалась очень интересной, и Нефедьев приехал в Москву, чтобы сделать о ней доклад на творческой конференции юных техников при Центральной детской технической станции имени Шверника.

Видный специалист-ветротехник инженер Кажинский, который присутствовал на докладе, был удивлен знанием предмета и смелостью мысли воронежского школьника. Он сказал, что работа Нефедьева и его друзей — грань между сегодняшней практикой и научной фантастикой. Эту модель наш читатель сможет увидеть на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, на участке юных натуралистов.

Доклад Владимира Нефедьева мало чем выделялся среди двенадцати научных докладов, сделанных на этой конференции учениками старших классов средних школ Москвы, Ленинграда и Киева.

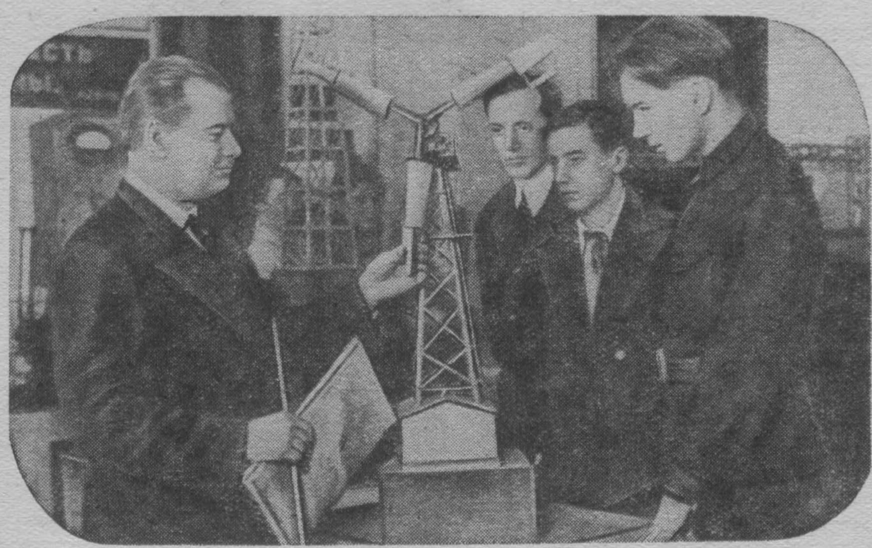
Взять, например, доклад ученика Марка Брагинского, который представлял на конференции харьковский клуб юных исследователей Арктики. Харьковские ученики средних школ, юные полярники, много думают над техникой освоения Арктики. Недавно у них состоялся диспут по вопросам транспорта и энергетики. Все сошлись на том, что в Арктике будущее принадлежит использованию энергии ветра и силы приливов и отливов. Ветродвигатели здесь можно применять вроде того, который был на дрейфующей льдине папанинцев, только гораздо большие.

Относительно транспорта мнения разделились. Одни доказывали, что наиболее надежным средством сообщения в Арктике будет танк-амфибия, над конструкцией которого они работают, другие говорили, что их глиссер-вездеход окажется более быстроходным и более удобным, третьи предлагали подводную лодку, которая будет спокойно плыть подо льдом до места назначения, а затем, разбив лед, поднимется на поверхность. Вопрос о том, как разбивать лед, вызвал горячие споры. Ученик А. Киселев предложил применять буры и мины, другие доказывали, что выгоднее и безопаснее растопить лед, например, электрическими нагревательными приспособлениями, установленными в обшивке подводной лодки, и брались разработать их устройство.

Большой интерес у юных исследователей Арктики вызвало сообщение о работе инженера Чижикова, предложившего снабдить ледоколы гидромонитором, выбрасывающим струю воды под давлением в 50—60 атмосфер и режущим ею метровый лед. Такой гидромонитор уже построен, сейчас строится еще более мощный. Юные полярники следят за этой работой и с нетерпением ждут ее результатов: технику освоения Арктики они считают своим кровным делом, и это их будущая специальность.

Юные метеорологи высказывали мысль о том, что Советской стране вполне под силу расширить Берингов пролив, чтобы смягчить климат Арктики: теплые воды Тихого океана согреют полярные воды и помогут освоению всего северного побережья Советского Союза.

Участник конференции Марк Штейнер, ученик 10-го класса 626-й школы Москвы, делал доклад о телевидении в будущем. В области телевидения он работает уже несколько лет.

Владимир Нефедьев (справа) у модели ветродвигателя.

Юрий Поплавко показывает опыты с жидким воздухом.

— Я надеюсь дожить до 2000 года, тогда телевидение станет цветным и стереоскопическим и будет передаваться из любой точки земного шара. Давайте же подумаем, как это может получиться,— начал он свой доклад.

Затем он рассказал историю телевидения, описал существующие советские и заграничные установки, показал своим слушателям последний советский телевизор и перешел к проблемам, которые сейчас стоят перед телевидением. В ближайшие годы способы передачи и приема изображений должны сильно упроститься и измениться, что сделает телевидение еще более распространенным чем кино.

В конце доклада Штейнер сделал сообщение о телевидении во Дворце Советов, для которого разрабатываются чрезвычайно интересные новые конструкции.

Московскому школьнику Сергею Малику, ученику 10-го класса 522-й школы Москвы, уже принадлежат два международных рекорда по авиационным моделям. Теперь он строит модель самолета, управляемого по радио, о котором сделал доклад на конференции. Его содокладчик Юрий Гробовиков, ученик 10-го класса 7-й школы Куйбышевского района Ленинграда,— также авиомоделист Ленинградского дворца пионеров. Они вдвоем рассказали о развитии телемеханики и телеуправления, о том, что эта область пользуется огромной популярностью среди юных техников, многие из которых собираются посвятить себя этой специальности и уже теперь делают очень интересные модели.

Работы юных техников уже начинают привлекать внимание взрослых. В Харькове научные работники помогают своей будущей смене. Об этом ярко свидетельствует доклад Юрия Поплавко, ученика 10-го класса 44-й школы Харькова, рассказавшего конференции о жидком воздухе и его свойствах. Жидкий воздух — вещь недоступная не только для ребят, но и для многих взрослых научных работников, если они не живут в крупном центре, где он вырабатывается. Харьковские юные физики с помощью работников Украинского физико-технического института изучают жидкий воздух и проводят с ним опыты.

Юрий Поплавко показал на конференции некоторые из этих опытов и рассказал о применении низких температур и жидкого воздуха в металлургии, в холодильной промышленности, при приготовлении взрывчатых смесей, получении кислорода, азота и благородных газов, в частности гелия. Докладчик изложил технику получения жидкого воздуха и других жидких газов и говорил о последних работах академика П. Л. Капицы, с которыми познакомился у него в институте.

Юные физики особенно интересуются техникой получения низких температур. Сложность этого вопроса не пугает их. Они знают, какое большое значение будет иметь эта область в ближайшем будущем, и еще со школьной скамьи готовят себя к работе по этой специальности.

Не только вопросы прикладной техники вроде цветной фотографии или новых видов электротранспорта, о которых также были прочитаны доклады на конференции, волнуют юных техников. Теория их интересует не меньше, и есть среди них такие, которые хотят посвятить себя чисто научной работе, даже без перспективы быстрой реализации своих работ. Таковы были, например, докладчики об естественной и искусственной радиоактивности: Вера Куличенко, ученица 9-го класса 497-й школы, и Роланд Хоейцян, ученик 9-го класса 502-й школы Москвы.

Вопрос о том, какое применение в жизни себе найти, перед советскими школьниками не стоит. Школа, ученические кружки, детские технические станции, дома и дворцы пионеров помогают им найти себя еще в юности. Они учатся мечтать и сочетать свои мечты с теми запросами, которые ставит перед ними жизнь.

Это будущие ученые, творческий ум которых хватается за самые животрепещущие и многообещающие вопросы науки и техники. Их много в каждом городе, чуть не в каждой школе. Их направленность, серьезность, уменье мечтать отнюдь не случайны. Это результат внимания, которое уделяет страна детям, помощи взрослых и всей советской системы воспитания.

С. Энгель

БОЕВЫЕ ТРОФЕИ

Фото Е. Микулиной

«Красная Армия в боях за неприкосновенность границ СССР» — так называется открывшаяся в Москве выставка боевых трофеев.

Японская пушка и финский танк, замаскированный белой краской, — два красноречивых экспоната, открывающих своеобразную повесть о доблести красных бойцов.

Пушка, собственно, не японская, а русская. Боевой трофей японцев в Порт-Артуре. Через тридцать пять лет японцы, модернизировав пушку, поставили ее у реки Халхин-Гол, чтобы стрелять по «русским». Но времена переменились. Не успев, кажется, дать первый выстрел, пушка была вместе с другими орудиями захвачена Красной Армией.

Остатки броневого колпака смотровой вышки финского ДОТ.

Танк тоже не финский. Это французский танк «Рено», боевой трофей, взятый в бою на финляндском фронте.

Финский автомат-пистолет системы «Суоми».

...Перед нами трофеи Хасана и Халхин-Гола. Их великое множество: современные пушки, пулеметы, зенитные орудия, автоматы и т. д.

— Грубая работа, — говорит молодой артиллерист, разглядывая японские гранатометы.

Назначение огромного бамбукового шеста также известно артиллеристу: этим шестом японцы подталкивали мины под наши танки.

Вот из этого револьвера стрелял японский офицер. Мы видим его щегольскую накидку, веер, зонтик, портсигар. С любопытством рассматриваем парашют, шлем японского летчика, нагрудный панцырь, которым он надеялся предохранить себя от смертоносной меткой пули красного стрелка.

У входа на выставку «Красная Армия в боях за неприкосновенность границ СССР». На переднем плане — трофейные орудия.

Показной блеск — дух панской Польши. Об этом говорят и трофеи, захваченные в боях с белополяками.

Жалко выглядит солдатская амуниция. Тут же выдержка из дневника японского солдата:

«...Все смеялись, что уже готовы места погребения. Душа солдат действительно, стала печальной. ...Куда бы ни сунулся, нигде нет спасения, везде падают снаряды. Спасение видишь только лишь от бога».

«Спасение» здесь, под стеклом. Это маленькие иконки, якобы предохраняющие от пуль, снарядов и штыковых ударов. Рядом с иконками небольшая книжечка — словарь. Страница открыта на следующих словах: «Выскажи всю правду, а то тебя расстреляют. Ты подвергнешься пытке. Ты предпочитаешь смерть?»

— Я предпочел бы смерть! — отвечает молодой, краснощекий пехотинец, рассматривая экспонат.

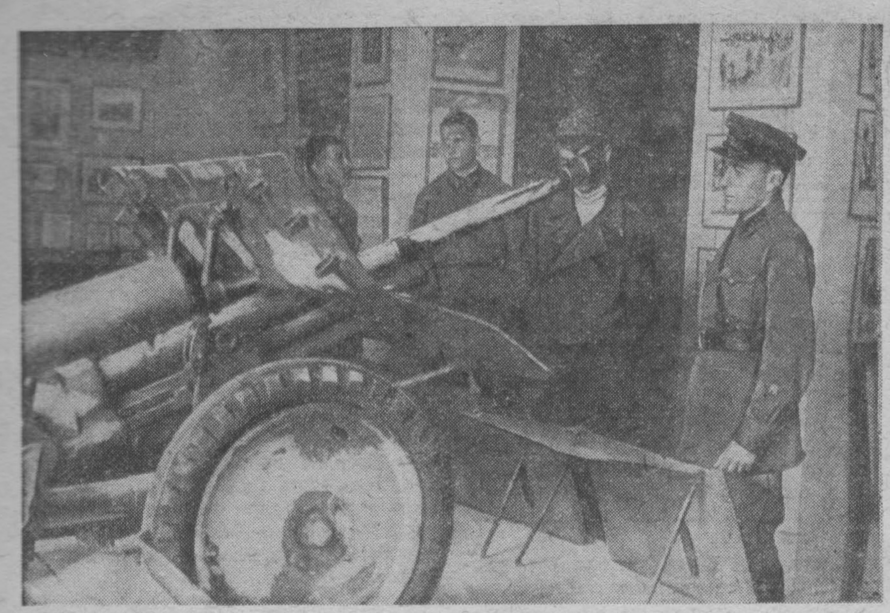
— Я тоже! — грозно нахмурив брови, заявляет десятилетний мальчик.

У витрины с документами стоит высокий человек с мужественным лицом. Это участник боев у Халхин-Гола, Герой Советского Союза Иван Степанович Мясников. Он подал заявление о приеме в партию перед атакой. Партсобрание происходило под ураганным огнем противника. Пал ротный командир. Комвзвода Мясников взял на себя командование. Был ранен. Раненый, снова ринулся в бой. Он четыре раза ходил в ата-

ка. По бокам ее утомленные, но счастливые люди. Два гармониста растянули гармоники. Как не поиграть им, не повеселиться после победы над врагом!

...Осмотр выставки закончен. Вы снова проходите мимо японской пушки и финского танка. Вы продолжаете думать о виденном, о слышанном, думаете о материальной силе и мощи духа Красной Армии.

Вас волнует чувство, которое сложно и глубоко. Это — чувство любви к своей родине, чувство гордости советского человека.

37-миллиметровая шведская противотанковая пушка, захваченная в боях с финской белогвардейщиной.

ку. Винтовка выпала из рук, когда он потерял сознание, получив девять ран. Сейчас Иван Степанович учится в Военной академии РККА имени Фрунзе.

Залитое кровью письмо геройски погибшего в боях за освобождение трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии комсомольца Гутникова заставляет биться сердца посетителей выставки.

Металлический шлем финского солдата, пробитый пулей советского снайпера.

«... За родину, за Сталина я не пожалею своей жизни»,— этими словами заканчивается письмо.

Трофеи, захваченные в освободительном походе Красной Армии на запад, чрезвычайно выразительны. На польском знамени, взятом 52-й стрелковой дивизией в бою под Шацком, золотыми буквами вышиты слова: «Гонор и отчизна». На эфесе офицерской шпаги выгравировано: «Я не посрамлю земли, откуда наш род». На генеральской шашке—персидской, с клинком дамасской стали—нет фальшивых слов. Но зато она отделана фальшивыми бриллиантами!

Показной блеск—вот дух панской Польши и ее армии. Хвастливые слова, ослепительные кунтуши, конфедератки — это свое. Оружие—чужое. Французские и английские пушки, винтовки, патроны.

На белофиннов англо-французские капиталисты уповали не меньше чем на польских панов и снабжали их добротными танками, орудиями, минометами, минами, автоматами, пулеметами. Финская белогвардейщина собрала для борьбы все свои силы в яростной ненависти к Советскому Союзу. Некий белофинский «герой» нарисовал на своей каске череп. Но пуля советского снайпера пробила и каску и голову «носителя смерти»—зарвавшегося белогвардейца.

Обломки броневого колпака ДОТ также говорят о тщете надежд финской белогвардейщины. Рядом бесформенная масса бетона с развороченными железными прутьями.

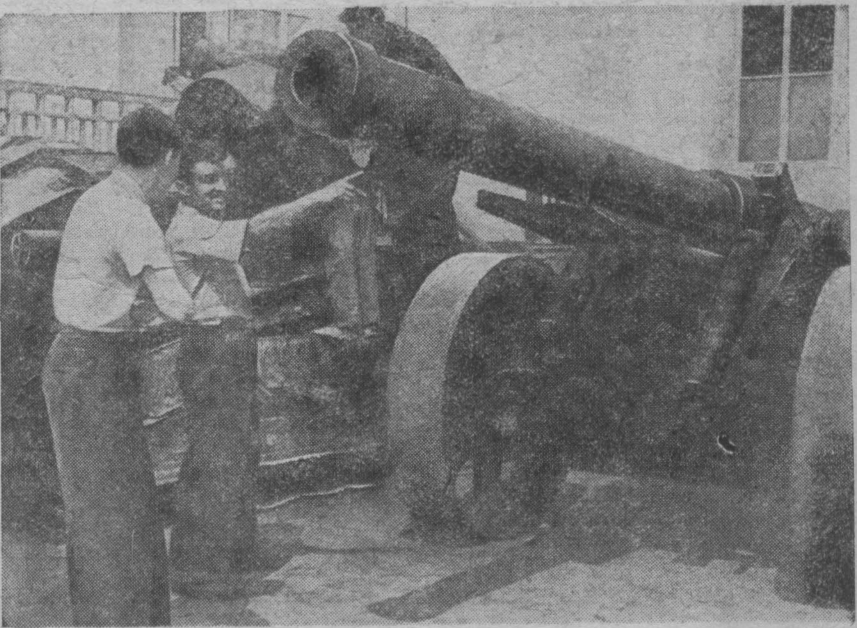
На месте ДОТ огромная ворон-

На площадке перед павильоном выставки. Посетители осматривают экспонаты.

Французский танк «Рено», взятый в боях с белофиннами.

Трофеи, захваченные Красной Армией в боях у Халхин-Гола в 1939 году.

Б. Емельянов

Явление природы

РАССКАЗ

Подул ветер. Низкая тучка, набежавшая на солнце, поползла вбок, песок на той стороне реки пожелтел и брызнул искрами, а на воду вдруг словно кто высыпал целый мешок новеньких серебряных гривенников.

Стало жарко и душно.

— Погодка! — сказал дедушка Захар, прикладывая ладонь к глазам. — Погодка, говорю, Семен Егорыч. Жереху самый ход.

Семен Егорович Волков, недавно присланный в Уральск врач, вытер потный лоб и покосился на старика. Три часа уже сидели они под высоким городским яром.

— Погодка, да! — сказал он. — Градусов пятьдесят. И не клюет ничего. Пойдем домой, дедка. В этой реке только шиши ловить.

— Шиши? Каки-таки шиши? Говоришь чо, не пойму, Егорыч. Куда те домой? Говорю, жерехам самый ход.

— Ход, ход, — передразнил деда Семен Егорович. — Шишам ход. Вот этаким.

И Семен Егорович ловко с вывертом сделал шиш из трех пальцев.

Дед не успел обидеться: лесу потянуло вниз, и он высоко и сильно рванул удилище. На солнце, как лезвие топора, блеснуло серебряное тело рыбы. На взмахе крупный жерех сорвался с крючка и запрыгал на узкой полоске песка.

— Держи, Егорыч! Держи, уйдет! Хватай!

Семен Егорович рухнул всем туловищем на мокрый песок, вдавил в него жереха и, осторожно запуская руки под себя, наконец, ощутил под пальцами добычу.

— Рыбка, — сказал он умиротворяюще, — ничего рыбка.

— Говорю, самый ход. Стариков слушать надо. А ты кукиши кажешь. Река ему не по нраву пришлась. Ты реку такую первый раз в жизни видишь...

— Ну уж!

— Слушай, когда говорят. Река эта по рыбной части на всем свете первая. Урал! — дед выкрикнул слово, как кричат «ура», — натужно и лихо. — Против этого места белуга была поймана на сто пудов. Понял?

— Ну уж и на сто?

— Слушай, когда говорят, — вошел в азарт дед. — В этой ятови одной рыбы больше чем у тебя книжных буквов во всей голове.

— Ну уж...

В воде, рядом с концом удилища Семена Егоровича, развертываясь пружиной, сверкнула белая молния, и удилище, выдернутое из рук Волкова, поплыло вверх по реке.

— Рыбак... — упавшим голосом сказал дед. — Разиня... — и сразу закричал: — Лови! Держи! Лекарь! Подыхать буду, к такому дураку не пойду...

Но лекарь уже бежал берегом, на ходу сбрасывая с себя рубашку. По счастью, рыба шла вдоль яра. Семен Егорович кинулся в воду. Жерех, напуганный шумом и плеском, рванулся в сторону и в глубину, удочка стала стоймя, как поплавок, и потом со свистом вычертила на воде узкий след...

Минуты три Семен Егорович упорно колотил руками и ногами. Намокшие штаны затрудняли движение, быстрое течение сносило его назад.

Злой и измученный, он повернул к берегу. И вдруг на полоске песка, что тянулась под яром, шагах в десяти от себя, он увидел... крокодила. Это был самый настоящий крокодил, с хвостом, головой и лапами, с обыкновенным, скучным выражением морды.

Когда он вылез сюда из воды? Волков даже поднял руку протереть глаза, в которые нестерпимо било солнце, но пустил пузыри, ноги его потянулись вниз и ощутили холодную родниковую струю. Семен Егорович поплыл вдоль яра вниз, наискось, мимо...

— Рыбу пугаешь, чорт! — закричал дед.

Но Семен Егорович ничего не слышал и только на берегу, увидев спокойное лицо деда, почувствовал, как от солнца льется тепло и как, медленно поворачиваясь, мир становится на свое место.

— Дед, крокодилы! — сказал он. — Крокодилы, дед!

— Где? — спросил старик деловито.

— Вон там, — показал рукой Волков.

И дед Захар увидел. Холщевые его выгоревшие штаны внезапно мелькнули у Волкова перед глазами. Старик петухом взвился на яр и в одно мгновение оказался над маленьким песчаным мыском, где спокойно лежал небольшой, двухметровый крокодильчик. Разглядывал его дед недолго. Так же быстро он очутился опять рядом с Волковым. Лицо деда сияло восторгом и счастьем.

— Что, — сказал он, подняв кверху палец, — что я тебе говорил, неверующая твоя душа! Во всем Союзе река эта по рыбной части первая...

— Крокодил же откуда, дед?

— Тьфу! — рассердился старик. — Белуга, тебе говорю, на этом месте была поймана на сто пудов. На сто! — повторил он раздельно и торжественно. — Рыбина, гам, — и нет твоего крокодила! Понял?

— Понял, — сказал Волков нетвердо.

— То-то ж! Пымать надо его, зверя, — сказал дед Захар. — Кусачий он, а?

— Кусается, — сказал Волков. — Раз — и ноги нету!..

— Ишь ты! Руками, стало быть, не возьмешь? Аль попытаемся?..

— Очумел ты, дед, — сказал Волков. — Он человека пополам перекусить может. Его пулей — и то убить трудно.

— Все равно пымаю, — сказал дед упрямо. — Велика штука! Стой, карауль, Семен Егорович, побегу за народом. Мы его, идола, в мешок возьмем.

И, не дав Волкову сказать слова, дед снова взвился на яр и исчез.

Прошло минут двадцать. Семен Егорович закурил папиросу, влез повыше, на горбатый склон берега, и стал глядеть по сторонам. Недалеко, шагах в двухстах, высокий Уральский яр шел на убыль, и там, где деревья Переволочной рощи вплотную подходили к воде, начиналась широкая песчаная коса. Из-за этой косы вылетели ходом две узкие казачьи будары. На передней сидело три человека, на задней — один. Деда Волков узнал сразу.

— Наш будет! — кричал он подплывая. — Наш! Знай уральских казаков! Егорка! — закричал он кому-то в первой лодке. — Вон он, видишь? Распускай невод.

— Вижу, — отвечал с первой будары, очевидно, Егорка — высокий худой старик с бородой еще длиннее чем у деда Захара. — Вижу! Мотри, какая зараза!

— В два раза пускай, — командовал дед. — Прорвет! Низ к берегу подавай ближе! Заходи подалей! Не пужай!

На яру остановились проезжавшие мимо телеги. С возов слезли два парня.

— Гляди, Гришка! — сказал один. — Чего сюда рыбаки метнулись? Тянут на яр. Песка им мало!

— Гражданин! — наклонился Гришка с яра к Семену Егоровичу. — Кого ловите?

— Крокодила ловим, — ответил тот, чувствуя уже, как азарт предстоящей необыкновенной охоты охватывает его мелкой дрожью.

— Вре...

Гришка не кончил: и он увидел крокодила. Парней как сдуло с яра вниз.

— Ребята! — кричал им дед Захар с будары. — Товарищи! Не толкайтесь без дела. Возьмите по дрыну и станьте с краев. Не ушел бы по сухому зверь-то... Да вы не пужайтесь: он махонький.

— Знаем мы таких махоньких, — ответил Гришка басом, но потом отчаянно махнул рукой и, выдернув кол, побежал к правому краю невода. Подъехало еще несколько возов. Ко времени, когда были закончены все приготовления к облаве, на берегу собралась порядочная толпа.

— Бывают на свете гады, — говорила женщина, державшая на веревочке козу, растерянно вздыхая и оглядываясь.

— Не может быть! Чучело это, — волновался человек в пыльнике из брезента. — Народ обманывают. Не верю!

Но «чучело», напуганное шумом и криком, разинуло пасть и сделало несколько быстрых, расползающихся шагов к воде.

— Подхватывай! — заорал дед Захар. — Не тушуйся, Егорка, выбирай на берег!

Поплавки невода дрогнули и потянулись ближе к яру.

— Семен Егорыч! — кричал дед. — Пихай его, чорта, в воду, пихай!

Волков бросил в крокодила горстью мелкой гальки. Камни попали в воду перед мордой зверя, вода зашипела, а крокодил боком подался опять к песку.

— Пихай, говорю! — волновался дед, поставив будару вплотную к берегу и быстро выбирая свой край невода. — Чего зверя пугаешь! Уйдет, на тебе весь ответ будет.

— Сам пихай! — кричал Семен Егорович. — Чем я его пихну? Носом?

Край яра не выдержал тяжести надвинувшихся на него зрителей, и прямо на крокодила вместе с человеком в пыльнике и двумя нивесть откуда взявшимися мальчуганами рухнула глыба песка. Толпа ахнула. Семен Егорович зажмурил глаза. И тут же дед Захар услыхал, как рвануло невод...

— В мотне! — крикнул Егорка.

На помощь к рыбакам кинулись люди с берега. Крокодил, запутавшись всеми лапами в мелких ячейках невода и намотав на морду несколько аршин сети, быстро успокоился, и его легко вытащили на берег.

— Тоже мне зверь, — пренебрежительно сказал дед Захар. — Мозгля. Разговору много — дела чуть....

— Не может быть, — говорил Волкову человек в пыльнике, отряхиваясь и отплевываясь, — не может быть такого явления природы в здешней местности.

— Вот вам и не может быть, — отвечал Волков, — вот вам и зоология и Брэм.

— Безусловно, научное открытие, — сказал подъехавший на велосипеде бухгалтер с мельницы. — Куда же вы его теперь денете?

— В милицию поскакали, — сказал Егорка, поглаживая бороду. — Зверь накладной, хуже утопленника.

От города галопом неслись два верховых.

Начальник милиции соскочил с лошади в самую толпу:

— Где он? Где?

— Вон он, — сказал Волков, показывая на мокрую гору невода, в которой и не видно было страшного крокодила.

— Поймали беглеца? Триста рублей премии.

— Какого беглеца?

— Из оренбургского зверинца уплыл, купать возили. Телеграмма у нас получена.

— Уплыл? — разочарованно сказал Волков.

— Я говорил, — заволновался опять человек в пыльнике. — Я говорил, в здешней местности быть не может!

Дед Захар уничтожающе оглядел его с головы до ног.

— Еще один выискался, — сказал он. — Белуга против этого места была поймана на сто пудов. Понял? А триста рублей кому? Тебе, что ли, дать?

Толпа с уважением молчала.

Э. Голлербах

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ С РЕЗЦОМ

Среди советских скульпторов старшего поколения одним из виднейших мастеров является Леонид Владимирович Шервуд. Недавно Ленинградский союз советских художников и другие общественные организации отмечали пятидесятилетие его художественной деятельности.

Леонид Владимирович Шервуд родился в Москве в 1871 году в семье художника. Он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и, переехав в Петербург, поступил в Академию художеств.

Начало занятий молодого скульптора в Академии (1893 год) совпало с концом старого, ложноклассического направления. Однако академизм был еще силен, и его деспотическое воздействие Шервуд немедленно испытал на себе, когда сделался учеником В. А. Беклемишева.

Вместе с А. С. Голубкиной и С. Т. Коненковым Шервуд образовал группу «протестантов», прозванных Беклемишевым «беспокойными москвичами». Дело дошло до того, что Беклемишев отказался участвовать в обсуждении конкурсной работы Шервуда («Хан и невольница»). Зато с большим сочувствием отнесся к Шервуду Репин.

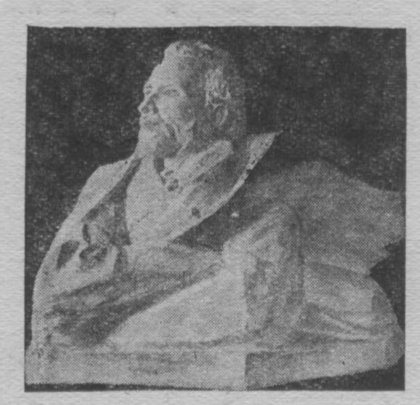
Кончив в 1898 году курс Академии художеств, Шервуд в следующем году получил командировку в Италию. Он побывал в Венеции, Флоренции, Милане, после чего поехал в Париж, где сначала занимался в академии Жюльена, а затем стал учиться у Родэна и у его помощника Бурделя.

«Угольщик». 1895 год.

В 1900 году Шервуд вернулся в Петербург.

Принципы Родэна были близки творческим устремлениям Шервуда; основной задачей скульптора стало выразительное сочетание пластической формы с психологической сущностью модели. В поисках пластической экспрессии Шервуд охотно обращался к аналогиям в стихийных явлениях природы. По его признанию, образ Пушкина связывался в его представлении со стихией пламени; «пламенность» Пушкина, вольное его вдохновение составляют основную мысль скульптуры, созданной Шервудом в 1902 году.

«Пушкин». 1902 год.

В 1904 году скульптор исполнил памятник Глебу Успенскому, установленный на литераторских мостках Волкова кладбища. Облик Успенского в передаче Шервуда прост и человечен.

Наряду с портретными работами и монументами (памятник писателю Гарину-Михайловскому, бюст педагога Бунакова, памятник адмиралу Макарову в Кронштадте) Шервуд исполнил немало декоративных скульптур для фасадов зданий, построенных архитекторами Лидвалем, Щусевым, Косяковым и другими. Он участвовал также в ряде конкурсов: на памятники Комиссаржевской, Шевченко и др.

В первый год советской эпохи скульптор был привлечен к участию в задуманной В. И. Лениным «монументальной пропаганде»: им был исполнен бюст Радищева для Москвы и бюст Герцена для Петрограда, кроме того ему был заказан проект памятника декабристам (неосуществленный).

Ведя педагогическую работу в Академии художеств, Шервуд энергично борется с «левыми» течениями в искусстве, с формалистическими крайностями, с беспринципным и безидейным «новаторством». В своей мастерской он строго проводит метод реалистической трактовки натуры, одновременно стремясь развивать в учащихся чувство ритма и объемных пропорций.

Оставив в 1926 году профессуру (позже Л. В. снова ненадолго вернулся к ней), Шервуд целиком посвящает себя производственной практике: он исполняет надгробный памятник археологу Тищенко, бюст Менделеева, бюст полпреда тов. Войкова, ряд работ, заказанных ему Музеем революции и Коминтерном (среди них бюсты И. В. Сталина, Розы Люксембург, А. В. Луначарского). К пятнадцатой годовщине РККА Шервуд вылепил монументальную фигуру «Часового», воплощающую военную мощь Красной Армии. В фигуре часового Шервуд сумел дать выразительный образ, доказывающий, что экспрессия доступна не только «классической наготе».

К числу недавних работ Л. В. Шервуда относятся группа «С. М. Киров и Графтио на Свирьстрое», бюст Мечникова, фигура «Тяжелая промышленность».

В этих работах Шервуд сумел преодолеть импрессионизм, преобладающий в его ранних произведениях: поиски большого реалистического образа, отражающего величие эпохи социализма, привели его к углубленной проработке каждой детали задуманной скульптуры.

Для творческой личности Л. В. Шервуда характерны подлинный демократизм, неустанная пытливость мысли, напряженная целеустремленность. Скульптор-мыслитель, Шервуд—в то же время скульптор-гражданин, преданный сын великой социалистической родины.

Леонид Владимирович Шервуд.

Автолитография Н. Павлова

«Часовой». 1931 год.

Ю. Пригожин

МОЛОДЫЕ ФОТОМАСТЕРА

Обе эти выставки фоторабот открылись почти одновременно: одна — Владислава Микоша — в московском Доме кино, другая — Сергея Струнникова — в Центральном доме журналиста.

Два молодых фоторепортера представили нашей общественности свои творческие отчеты. Обе выставки говорят о росте советской фотографической молодежи.

И у В. Микоша и у С. Струнникова много общего. Их творческие поиски овеяны романтикой, к которой неравнодушен каждый молодой человек в нашей стране.

Сын штурмана дальнего плавания, рано потерявший отца и воспитывавшийся в семье чекиста, В. Микоша работал грузчиком, плавал матросом. С детства развившаяся страсть к увлекательным странствованиям, к морю, к природе нашла свое отражение в творчестве молодого автора позднее, когда он по окончании Института кинематографии стал оператором, а затем фоторепортером.

С. Струнников юношей расклеивал плакаты в кинотеатре. Его увлекла профессия оператора, и он поступил в кинотехникум. Потом служба в Красной Армии и бесповоротное увлечение фоторепортажем.

Эта привязанность к фоторепортажу и у В. Микоша и С. Струнникова, людей, горячо любящих свою родину, не случайна: профессия фоторепортера давала им возможность лучше узнать страну, быстрее откликаться на события.

Архитектура на ВСХВ (фрагмент).

Фото В. Микоша

Владислав Микоша.

В ста двадцати работах, экспонированных на выставке, В. Микоша развернул перед зрителем свое незаурядное мастерство.

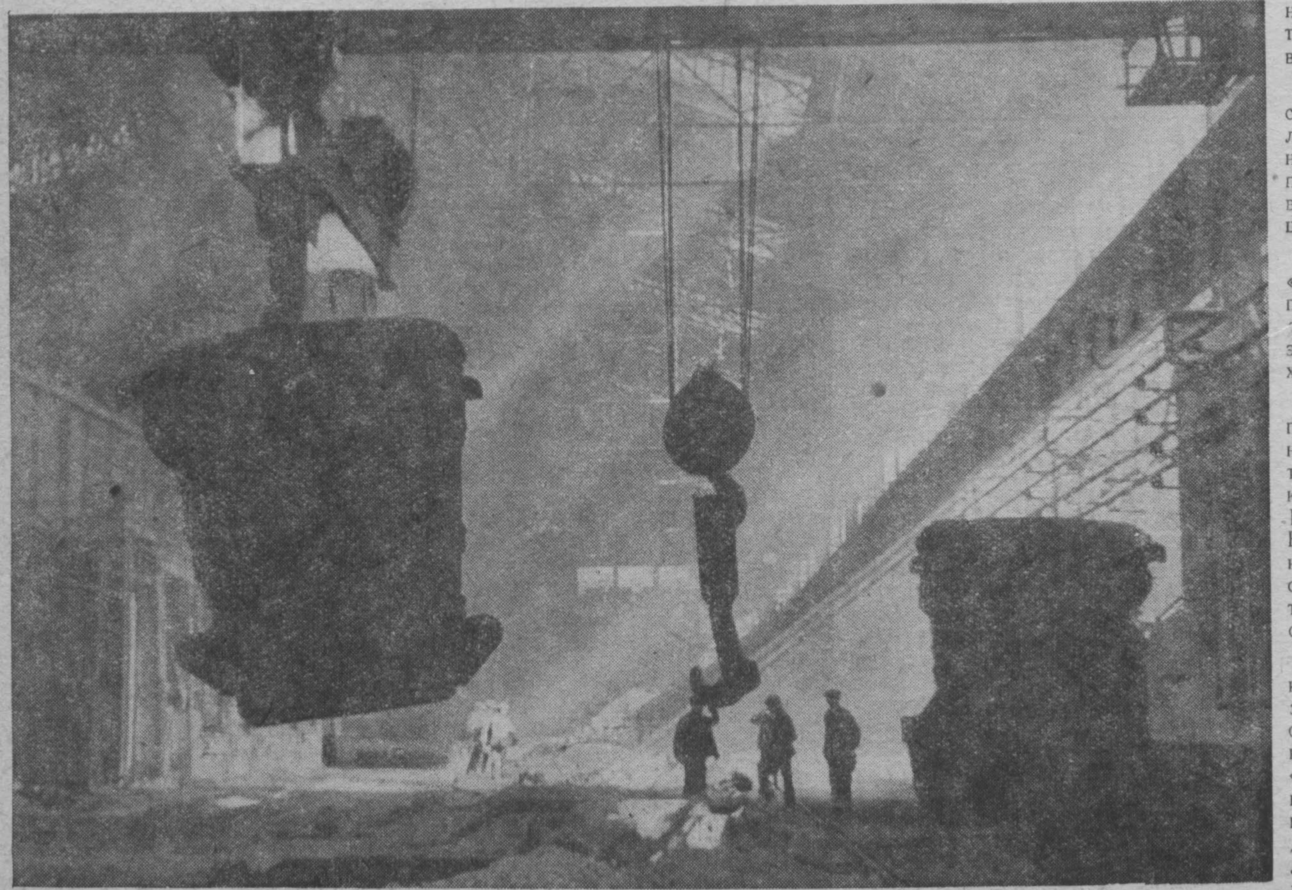
Арктика и социалистическая индустрия, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка и спорт, бытовые зарисовки и пленительный русский пейзаж — во всех этих работах отражена художественная индивидуальность молодого мастера, умеющего талантливо находить свежие средства изображения.

Поиски формы, отвечающей богатству содержания, стремление преодолеть штамп, склонность к живописности изображения, смелое владение палитрой светотеней, лиризм — таковы основные черты работ В. Микоша.

В самом деле. Посмотрите на «Мавзолей зимой» или на работы, посвященные Магнитогорскому металлургическому гиганту. Какая в этих работах строгость, как превосходны они по своей живописности!

Сколько пленки израсходовано на показ Всесоюзной сельскохозяйственной выставки! Однако немногие фотомастера могут блеснуть высоким качеством произведений на эту тему. Работы В. Микоша, посвященные ВСХВ, композиционно безукоризненны. Даже в этюдах и фотографических фрагментах они раскрывают не только архитектурное богатство Выставки, но и ее содержание.

Сам страстный спортсмен, В. Микоша создал ряд художественно зрелых работ на спортивные темы, отличающихся большой наблюдательностью. Таковы «Хоккей», «Нокаут», «Конькобежцы» и другие. Его снимки на эти темы передают самую атмосферу спорта, зритель как бы видит за пределами стадиона, ринга, ледяной дорожки, на которых происходят состязания, тысячи напряженно следящих глаз «болельщиков».

Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина. Мартеновский цех.

Фото В. Микоша

Особо следует сказать о цветных работах В. Микоша. Цветная фотография — область новая. Здесь еще только прокладываются первые тропинки. Но и среди немногочисленных пока энтузиастов цветной фотографии В. Микоша выгодно выделяется своим тонким восприятием красок. Он успешно овладевает цветовой композицией. Такой фотоэтюд, как например «У пруда», радует жизненностью, теплотой красок, лишенных холодности, свойственной еще большинству цветных работ.

Сергей Струнников.

Арктика. Ледокол «Красин» в торосистых льдах.

Фото С. Струнникова

Иной подход к материалу, иной «почерк» у другого молодого фотографа — С. Струнникова. В его работах больше уравновешенности, больше созерцательности, хотя тематический диапазон его даже шире чем у Микоша. Струнников побывал и в Арктике и во многих республиках Советского Союза. За 10 лет он собрал значительный фотодокументальный материал, дающий представление о характере работы советского фоторепортера.

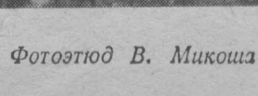
На выставке у С. Струнникова есть ряд безусловных творческих удач. К ним относятся снимки, посвященные Арктике («Красин» во льдах»), прекрасная по своей простоте и выразительности работа «В испанской школе». Композиционно находчиво сделаны «Кубачинские школьницы». У автора есть и несколько запоминающихся портретов.

С. Струнников порадовал зрителей также несколькими пейзажами, сделанными им во время поездок по Грузии, Дагестану, Армении, Таджикистану...

В. Микоша и С. Струнников, впервые выступившие с персональными выставками, показали себя вдумчивыми, наблюдательными, культурными фотографами.

Несхожие по своим творческим устремлениям, по-разному владеющие художественными средствами, они одинаково остро любят свою беспокойную и романтическую профессию, связывающую их повседневно с героикой социалистического строительства, с людьми великой, сталинской эпохи.

На берегу Волги.

Фотоэтюд В. Микоша

Комсомолка-чувашка.

Фото С. Струнникова

Н. Ростов

Н. В. СТАНКЕВИЧ

(К столетию со дня смерти)

Николай Владимирович Станкевич.

Гипсовый медальон работы Эйхлера

Улицы Герцена, Огарева, Белинского, Грановского, Станкевича... Все они в центре новой, советской Москвы, как бы облегают район Университета. Москва собрала эту блестящую плеяду в том самом месте, с которым более ста лет тому назад была связана их памятная деятельность. Все они своими литературными и научными трудами оставили глубокий след в истории нашей родины.

Судьба одного из них — Николая Владимировича Станкевича — не совсем обычна. Он не оставил после себя сколько-нибудь значительных литературных или научных работ, но в то же время оказал крупное влияние на развитие русской литературы и науки. Станкевич сыграл большую роль в жизни и духовном развитии таких выдающихся представителей русской культуры, как В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев.

В 1830 году Н. В. Станкевич поступил в Московский университет. В атмосфере гнетущей реакции режима Николая I тогда едва намечалось оживление общественной жизни. Оно сказалось и в среде московского студенчества. Среди молодежи возникали кружки, шли горячие споры о судьбах родной страны, народа, его культуры. Острие критики направлялось против литературно-философских взглядов крепостнического общества. Два человека явились руководителями этих кружков. То были А. И. Герцен и Н. В. Станкевич.

Уже один состав кружка Станкевича определяет его роль в истории русской общественной мысли. Рядом с Николаем Владимировичем мы видим В. Г. Белинского, К. С. Аксакова, историка С. Строева, поэтов И. П. Ключникова и В. И. Красова, филолога Я. Неверова, В. Боткина. Затем в его состав вошли Т. Н. Грановский, поэт Кольцов, И. С. Тургенев, по некоторым сведениям, М. Ю. Лермонтов. Эту группу лучших представителей тогдашней интеллигенции теснейшим образом сплачивала личность самого Станкевича. Его блестящие, остроумные беседы на литературные и философские темы бывали чрезвычайно увлекательны, полны большого содержания и во многом заменяли молодежи университетские лекции. В результате собеседований и изучения передовых философских течений зарождались те самые мысли, которые потом находили свое воплощение в литературных трудах членов кружка.

Вначале кружок Станкевича состоял из одних студентов. Но и по окончании университета члены его продолжали сохранять тесную духовную связь, превратив свое общество в умственный центр, оказывавший через литературу и университетское преподавание огромное влияние на развитие русской культуры.

Основные интересы кружка Станкевича сосредоточивались вокруг вопросов литературы, искусства, философии. Сам Станкевич несмотря на свою молодость был человек с развитым эстетическим чутьем, прекрасно знал не только отечественную, но и французскую, немецкую литературу. Кружок Станкевича в области искусства, особенно театра, вел борьбу за реализм, за приближение литературы к жизни. Под влиянием Станкевича В. Г. Белинский написал свою первую известную работу — «Литературные мечтания», Кольцов (вообще выдвинутый Станкевичем) — свои многочисленные философские стихи.

Давая характеристику эпохе 30-х годов, Н. Г. Чернышевский писал о кружке Станкевича, что это был «благороднейший и чистейший эпизод истории русской литературы». Чернышевский указывает, что «из тесного, дружеского кружка, душой которого был Н. В. Станкевич, вышли, или впоследствии примкнули к нему, почти все замечательные люди, которых имена составляют честь нашей словесности, от Кольцова до Тургенева».

В 1834 году Станкевич окончил университет. На время он вернулся на родину в Воронежскую губернию, намереваясь подготовиться к защите диссертации на звание магистра истории. Тогда же он сделал попытку принять участие в культурной жизни своего родного города. По собственному желанию он был избран попечителем Острогожского уездного училища. Станкевич решил внедрить новейшие методы преподавания, собирался написать учебник истории для начальной школы, а главное — решительно бороться за уничтожение телесных наказаний учащихся. Но в тогдашних условиях из всех этих планов ничего не вышло.

В 1835 году Станкевич вернулся в Москву. В жизни кружка наступила эпоха наиболее интенсивной деятельности. Белинский в это время занялся редактированием журнала «Телескоп» и сразу превратил его в подлинный орган кружка. «Мы всегда будем,— писал Станкевич,— обществом совещаться о журнале». В одном из первых номеров Станкевич поместил большую переводную работу— «Опыт о философии Гегеля».

В разгар неутомимой работы Станкевич тяжело заболел туберкулезом легких. В 1836 году он уехал лечиться на Кавказ, но результаты лечения были плачевными. Станкевич поспешил вернуться в Москву, где положение его многим казалось безнадежным. В таком состоянии в августе 1837 года он был увезен заграницу, сначала в Карлсбад, а затем в Берлин.

Новая обстановка благотворно подействовала на больного. Едва поднявшись с постели, Станкевич сразу приступил к научным занятиям. Он слушал лекции известных немецких ученых — Вердера, Ранке, Ганса. Он даже изучал сельское хозяйство, желая и в этой отрасли быть впоследствии полезным своей родине. Жизнь в Германии, где общественность имела тогда больше простора, заставила Станкевича многое пересмотреть в своих взглядах. Особо сильное впечатление произвело на него путешествие по Бельгии, где он впервые столкнулся с уже сильно развитыми капитализмом и промышленностью. Кругом он видел красивые картины: обработанные поля, фабрики, заводы. Но «приятные впечатления,— писал он в дневнике,— разрушаются видом босых, оборванных детей, беспрестанно бегущих за каретой». И у него возник вопрос: «Что за причины этой бедности?» В поисках ответа Станкевич со всей страстью углубился в изучение общественных вопросов, истории революционного движения в Бельгии. Во весь рост встали перед ним вопросы реальной действительности, вопросы борьбы за лучшее будущее. Эти новые воззрения он и развивал в своих письмах к друзьям в России.

В Берлине Станкевич сблизился с Т. Н. Грановским. Там же произошла первая встреча Станкевича с И. С. Тургеневым.

Жизнь кружка в России протекала попрежнему в страстных исканиях истины, в спорах об искусстве, литературе. Но отсутствие Станкевича заметно чувствовалось. Недаром Белинский писал ему в 1839 году: «О, если бы ты опять стал жить в Москве, и мы, разрозненные птенцы без матери, снова слетелись бы в родимое гнездо! Скоро ли, скажи»... Но этому не суждено было сбыться.

В конце 1839 года здоровье Станкевича снова ухудшилось. Пришлось покинуть Берлин и поселиться в Италии. Там, в Нови, в ночь с 6 на 7 июля (нового стиля) 1840 года двадцати семи лет отроду он умер.

Скорбные отклики выдающихся деятелей русской литературы говорят о том значении, какое придавали они Станкевичу. «О, если бы ты знал, Ефремов,— писал Белинский одному из друзей покойного,— как я завидую тебе: ты жил с ним целый год, ты присутствовал при его последних минутах, ты навсегда сохранил живую память его просиявшего по смерти лица. Я ничего не знаю, что бы могло сравниться с твоим счастьем». И впоследствии, при упоминании имени Станкевича, у Белинского появлялись слезы на глазах.

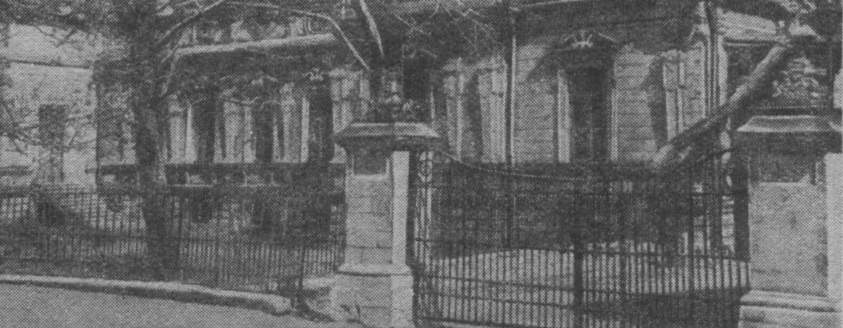
Взволнованный отклик Тургенева на смерть Станкевича, по справедливому замечанию Майкова, может занять место среди лучших «Стихотворений в прозе». Это письмо Грановскому, совершенно потрясенному гибелью друга: «Нас постигло великое несчастье, Грановский. Едва я могу собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы любили, в кого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждою... 24 июня* в Нови скончался Станкевич. Я бы мог, я бы должен здесь окончить письмо...— Что остается мне сказать—к чему Вам теперь мои слова? Не для Вас, более для меня продолжаю я письмо: я сблизился с ним в Риме; я его видел каждый день и начал оценять его светлый ум, теплое сердце, всю прелесть его души. Тень близкой смерти уже тогда лежала на нем... Ему ли умереть? Он так глубоко, так искренно признавал и любил святость жизни... Он готовился посвятить себя труду, необходимому России... Холодная рука смерти пала на его голову, и целый мир погиб...

Я оглядываюсь, ищу — напрасно. Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто достойный примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет итти по его дороге, в его духе, с его силой?

О, если что-нибудь могло бы заставить меня сомневаться в будущности, я бы теперь, пережив Станкевича, простился бы с последней надеждой. Отчего не умереть другому, тысяче другим, мне, например?

Но нет — мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь — дадим друг другу руки, станем теснее: один из наших упал — быть может — лучший. Но возникают, возникнут другие... Рано ли, поздно — свет победит тьму. Да, но нам, знавшим его — его потеря не возвратима».

Дом на улице Станкевича в Москве, где жил Н. В. Станкевич.

Фото Н. Веринчука

* Дата указана Тургеневым по старому стилю.— Ред.

И. Бир, И. Русанов

ЗАДОЛГО ДО СЪЕМКИ

Гатчинский плац.

Эскиз худ. В. Егорова

Оператор не заснял еще и десяти метров пленки для этого фильма.

В обширных павильонах киностудии «Мосфильм», стены которых могут без труда укрыть многоэтажные дома, среди декораций нет и намека на XVIII век, на Россию суворовского времени. То, что увидит потом зритель в фильме о гениальном русском полководце и замечательном патриоте, можно только представить в воображении, прочитав сценарий Г. Гребнера.

Путь от сценария до фильма уже намечен кинематографическими знаками на полях рукописи. Текст сопровождался пометками: «общий план», «средний план», «крупный план» и цифрами кадров и метража пленки. Постановщики фильма Вс. Пудовкин и М. Доллер высчитывали эти цифры с хронометром в руках, проговаривая диалоги, улавливая секунды и минуты, скрытые в описаниях.

Многообразная творческая работа режиссеров и целого коллектива, начавшаяся за кулисами фильма задолго до первого съемочного дня, останется «за кадром» — зритель увидит только результат кропотливого и напряженного труда постановщиков, ассистентов, художников, костюмеров, бутафоров...

Образ Суворова в фильме — идейный и художественный центр, движущая сила сюжета. Нужно было прежде всего вжиться в образ Суворова, понять эпоху, в которой он боролся и побеждал. Постановщики фильма обратились к историкам, к литературе, к архивным материалам и музейным экспонатам.

39 страниц занял перечень вопросов к историкам. Десятки блокнотов исписали ассистенты режиссеров, собирая факты из жизни Суворова, высказывания о нем современников. И каждый из ассистентов записывал настойчивые напоминания историков: «Для Суворова солдат был живым, мыслящим, близким человеком...»

Из огромного по объему исторического материала отметалось спорное, наносное и ложное. Постепенно отстаивалось и воссоздавалось подлинное представление о личности Суворова — генералиссимуса русской армии, талантливого и обаятельнейшего человека.

Чортов мост.

Эскиз худ. В. Егорова

Многое из того, что собрано о Суворове, на первый взгляд не имеет прямого отношения к сюжету. Вот, например, выдержка из записей в блокнотах: «В 1799 году, отправляясь из Канчанского в итальянский поход, Суворов освобождает своих крепостных». В сценарии этого эпизода нет, но так или иначе он будет жить в ткани произведения. Режиссеры и актер, работающий над центральной ролью, не забудут ни одной строчки из биографии Суворова. Все нужно знать о нем — великое и малое. И в блокнотах появлялись такие записи:

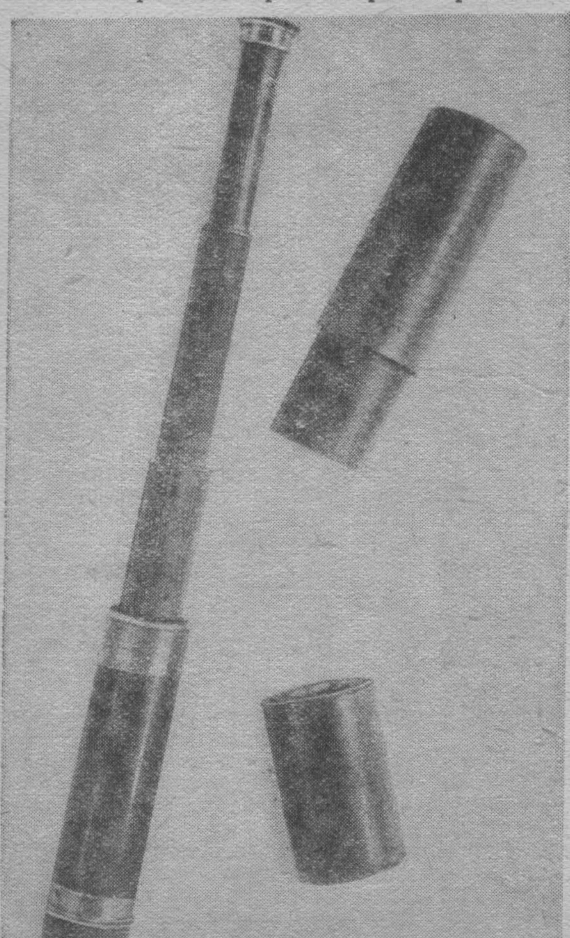
«Вся прислуга генералиссимуса состояла из неизменного Прохора, повара Мишки и фельдшера Наума. Обычно в то время у вельмож были десятки слуг. Для обслуживания одной кареты требовалось, по крайней мере, 30 гайдуков».

«Суворов любил играть с молодежью в фанты и часами отплясывать мазурку. Три раза в день мылся самым тщательным образом. Терпеть не мог зеркал и при виде своего изображения тотчас же отворачивался».

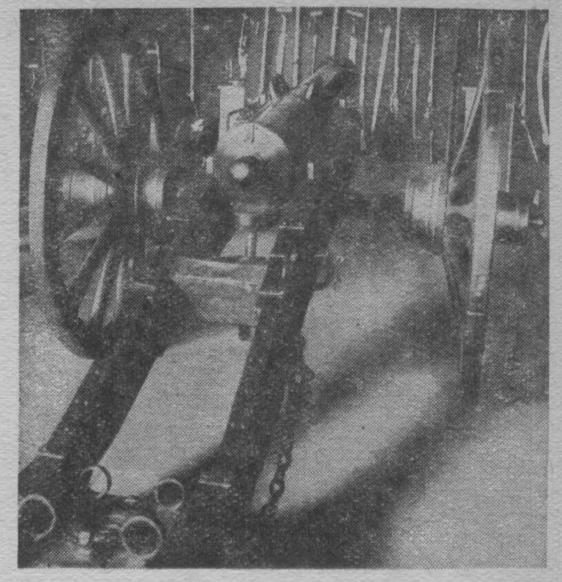
«Среди тщательно переписанных донесений Екатерине об устройстве крепостей в Финляндии на одном из листов суворовским почерком выведено:

«Отменно весел и здоров
непобедимый Суворов».

Драматургический стержень фильма — трагедия Суворова, его конфликт с тупостью павловского режима. И потому так тщательно собирались крупицы исторической правды о том времени, достоверные характеристики, выданные современниками коронованному самодуру:

Подзорная труба, принадлежавшая Суворову.

Французская полевая пушка системы Грибоваля, взятая Суворовым при Нови 4 августа 1799 года.

«Павлу было представлено три различных варианта о правилах судоходства, с тем чтобы император выбрал один из них. Павел на всех трех вариантах написал: «Сие утверждаю».

«Отправляясь на парад в Гатчину, офицеры прощались с семьями и прятали под мундирами кошели с деньгами на случай внезапной ссылки».

«Никому не возбранялось обратиться к Павлу с какой-нибудь просьбой. Но тот, кто подавал третью просьбу, — наказывался заключением в тюрьму».

Чтобы создать в фильме подлинную атмосферу эпохи, все должно быть показано правдиво: от событий, образов и поступков героев до мельчайших деталей. Что только можно было узнать о местах, связанных с жизнью и походами Суворова, о бытовых мелочах, окружавших его, стало достоянием съемочного коллектива... Все выяснено: и ширина Чортова моста, и размер прутика в косе павловского солдата, и высота екатерининского кивера, и рисунок суворовской табакерки... Семьсот собранных фотографий изображают собственные вещи Суворова, оружие его времени, мундиры солдат, гравюры исторических мест, картины о походах чудо-богатырей. На основе исторического материала художник В. Егоров сделал более шестидесяти эскизов декораций.

Описания, разбросанные по страницам сценария, литературные образы кинодраматурга художник перевел на язык изобразительного искусства. Художник внес свой вклад в фильм, свое ощущение эпохи.

Разве не убедительно говорят о строгой простоте и скромности генералиссимуса эскизы, показывающие его личные комнаты в Кончанском? Смелые штрихи, которыми изображен величественный Чортов мост, как бы подчеркивают гениальность полководца, сумевшего с боем провести свою армию через это непреодолимое препятствие.

Эскиз гатчинского плаца, где солдаты напоминают механические фигуры и где над всем довлеет полосатая будка часового, как бы олицетворяет всероссийскую казарму, в стенах которой задыхался Суворов. Контрастом со спартанской обстановкой суворовских комнат выглядит великолепие апартаментов гатчинского дворца.

То, что изображено рукой художника, в цехах студии превращается в объемные декорации, овеществляется. По специальным эскизам изготовлены до трех тысяч всевозможных костюмов, тысячи предметов разнообразнейшего вооружения. Идут репетиции с актерами.

Уже прошли первые съемочные дни из общего их количества в 98, необходимых для постановки исторического фильма «Суворов». Наступает день, когда вся эта черновая работа, проделанная за кулисами фильма, помножится на силу искусства режиссеров и актеров, начнет оживлять на пленке историю, человеческие поступки, слова и чувства давно прошедшего времени, близкого для нас славой русского оружия, образом великого, непобедимого Суворова.

Э. Гард

КОНЕЦ МИХАИЛА СОКОЛОВА

В показательном универмаге на Добрынинской площади в Москве почти ежедневно появлялся гражданин, довольно красивый, модно одетый, самоуверенный.

Его сопровождала свита — несколько незаметных, скромных женщин.

К прилавкам и кассам тянулись очереди. В универмаг каждое утро поступал для продажи разнообразный товар: вельвет, бостон, шолк, майя, маркизет, шевиот, обувь, готовое платье, белье, часы. Чего только не было здесь! Но товар раскупался в течение трех—четырех часов, многим не хватало. И было непонятно: как этих тысяч метров, сотен пар обуви, тюков белья, ящиков часов не хватает на всех покупателей?

Сотни продавцов в универмаге. Десятки завов, агентов, кассирш.

Михаил Васильевич Соколов, красивый, модно одетый гражданин, лоточник от Никитских ворот, мечтающий о «великих комбинациях», присматривается к людям, работающим за прилавком и в кассах.

Откуда набираются здесь штаты? Кто они, эти люди, отмеривающие вельвет и шевиот, отпускающие туфельки и ботинки, выписывающие чеки в кассу?

М. В. Соколов внимательно присматривается к ним, разузнает, изучает; он оценивает не товар, а людей. Терпенье и выдержка!

Вот, например, Козырев — сын кулака, раскулаченного в 1931 году и лишенного прав. Надо заметить.

Вот Цатурова — опытная продавщица, семейная: двое детей, муж. Подозрителен муж — Георгий Богданович. Что он так часто приходит к жене на работу, о чем шепчется? Георгий Богданович Цатуров, человек без определенных занятий, получил образование, работал товароведом, но за прогул уволен, часто куда-то уезжает из Москвы. Нередко фигура Цатурова появляется на рынках, и не разберешь: продает он или покупает?

Или вот Воронин, Степан Михайлович, агент при обувном складе универмага. Пожилой, солидный человек, из старых приказчиков, очевидно, дока по части всяческих торговых махинаций. Старая школа!.. Заметить...

Подозрительна Дикова Прасковья, продавец обувного отдела, шепчется с Цатуровой, с Козыревым; Алексей Зиновкин — также из обувной секции, сын кулака; Нефед Михайлович Козловский, продавец шерстяных тканей, бывает на базарах, потом с компанией пьянствует у некоей Алексеевой... Заметить, заметить, заметить!..

«Великий комбинатор» с Добрынинской площади ведет дело организованно. Наметив «подходящих», он заводит знакомство. Красивый мужчина, ловкий, жадный, наглый, он действует где легким флиртом, где соблазном, шелестя дензнаками, где осторожным шантажом...

Степан Михайлович Воронин мог бы рассказать о старом купеческом приказчике. В работе он руководствовался двумя принципами: российско-купецким — «не обманешь — не продашь» — и загранично-изысканным — «keep smiling», что значит: «всегда улыбаться» — лозунг для приказчиков Англии и Америки.

Новые молодые кадры советских продавцов воспитаны на иных принципах. Советская торговля может гордиться кадрами продавцов. В подавляющем большинстве это умелые, дисциплинированные, честные труженики. Выковывается совершенно новый тип продавца. Но не перевелись еще и Воронины, живы еще жулики, воры, торгаши, и есть просто слабые, шатающиеся люди, которые, кажется, только и ждут соблазнителя.

•

Михаил Васильевич Соколов появляется в универмаге в роли такого соблазнителя.

Со Степаном Михайловичем Ворониным сговориться просто. Но Степан Михайлович — и сам «великий комбинатор». Он давно спекулирует, на свой страх и риск, выписывает себе чеки или обменивается чеками с соседними отделами. У него дома небольшой мануфактурный склад.

Зато Анисья Цатурова — прямо находка. Она выдает чеки на товар направо и налево: и мужу и каждому, кто даст ей 20 рублей за чек. Муж, Георгий Богданович Цатуров, уволенный за прогул товаровед, применяет теперь свои товароведческие познания в универмаге. Он устанавливает таксу: «Двадцатка за чек», — а его жена развивает бешеную энергию: ее рука не устает писать чеки — процентов 20 покупателям, стоящим в очереди, остальные — жуликам, которые тоже скоро образуют очередь «на Цатурову», или, как они просто говорят: «на Аню».

— Что дают?

— Чеки Аня дает!..

М. В. Соколов организует «товарооборот»: через Цатурову и еще некоторых продавцов он получает чеки. По нескольку чеков в день.

Затем на сцену появляется свита в лице скромных, незаметных гражданочек. Они должны уплатить соколовскими деньгами в кассу по чеку и получить товар. За это каждой гражданочке Соколов выдает по 5—10 рублей.

Полученные товары сбываются Соколовым на рынке или «через знакомых». Большую торговлю фирма «Спекулянт Соколов и К°» ведет на Перовском рынке. Здесь агенты Соколова да и он сам продают пальто, готовое платье, мануфактуру, обувь, часы. За один день Соколов наживал на спекуляции часами 800 рублей.

•

Пробегая газетные заметки об арестах и суде над спекулянтами, Соколов поёживается.

Его беспокоит не возможный арест — нет: «дело» у него поставлено безупречно, Остап Бендер мог бы позавидовать, — его тревожит обилие конкурентов. Сколько развелось спекулянтов! Они создают «товарный голод» при наличии товара — это хорошо, но они могут «сбить» цены на рынках.

В декабре 1938 года пленум Верховного суда СССР указал судам на необходимость суровой борьбы со спекуляцией. Соколов не обратил внимания тогда на это сообщение: он еще только «комбинировал», мечтал...

Теперь он внимательно читает газетные заметки о борьбе со спекуляцией.

В Луховицком районе, Московской области, «милая дама» А. С. Отопкина устроила у себя во дворе кладовую: вырыла яму и туда складывала товар. У нее и нашли 249 метров мануфактуры, 10 пар калош — по числу ног паука-домушника, — 175 килограммов пшена, 432 килограмма муки, 30 килограммов сахару, 19 килограммов лапши, 69 литров керосину, 26 кусков мыла и 480 коробок спичек. В мелочной лавочке дореволюционного торговца не бывало столько товара...

В Киеве пытались монополизировать спекулятивную торговлю «божьи служители». Поп Шпановский спекулировал мануфактурой и сахаром и успел отложить 41 тысячу рублей. Его конкурентом был поп Богданевский. А церковный староста Лугин, спекулируя сахаром и вином, накопил 190 тысяч рублей. Киевские спекулянты Горецкая, Слуцкий (в прошлом торговец), Сигал (бывший владелец пекарни), Чернявский спекулировали всем, чем угодно: от сахара, мыла и обуви до олова, кровельного железа, пробок, шерсти, клея и даже... поповских риз и ряс... Пока «батюшки» спекулировали мануфактурой, бывший владелец пекарни наживал с них на поповской «прозодежде». Такова ирония спекулянтской судьбы!

Компания витебских спекулянтов во главе с еще одной «милой дамой», Л. Р. Голощековой, получала товар из столиц: Москвы, Киева, Ленинграда... На квартире спекулянтов была организована «оптовая база», подобрался штат «снабженцев» из бывших торговцев. Большая «фирма»! Но «фирма» лопнула: всех переловили.

В Москве на скамью подсудимых посажены десятки спекулянтов.

Вот Александров с супругой, Е. А. Новоселовой. Они спекулировали мануфактурой и меховыми вещами. Отвозили товар в Омск или посылали багажом. При обыске у Новоселовой нашли 77 метров мануфактуры, 45 тысяч рублей, слиток золота весом в 103 грамма, 17 золотых монет. Эта дама любила золото, как некогда Сонька «Золотая ручка»...

Кто эти люди, затесавшиеся в нашу жизнь?

Вот некий В. В. Васильев, задержанный с ящиком, в котором оказалось 23 килограмма сливочного масла, — человек без определенных занятий, дважды судившийся за растрату. Л. Б. Свищ, также спекулировавший маслом, нигде не работал. П. Н. Пчелкина, скупавшая в магазинах столицы мануфактуру, калоши, галантерею и продававшая товар по спекулятивным ценам с надбавкой 90 процентов, нигде не работала, в 1930 году судилась за спекуляцию...

Попы, бывшие торговцы, лодыри, выгнанные за прогулы, члены кулацких семей, пьяницы, былые профессиональные воры, дамочки из «бывших» — вот конкуренты М. В. Соколова.

Чем больше их арестовывают, тем лучше. Долой конкурентов! За себя Соколов спокоен: не подкопаешься...

•

Но вот — сорвалось!

Однажды Михаила Васильевича Соколова задержали. Он сделал благородно-оскорбленное лицо, пожал плечами:

— Спекуляция? Я?! Да что вы? Какое роковое заблуждение!

Действительно, он несколько раз побывал на Перовском. Но он продавал свое собственное пальто, потом — женин костюм, потом — еще что-то, тоже свое. Иногда, знаете, не хватает денег на существование: он ведь платит алименты Любе — забыл, как ее фамилия, — там сын... или дочь, нельзя же оставить ребенка без помощи! Соколов — не такой человек!

При обыске у Соколова ничего не обнаружено. Где же доказательства? Он смотрит гордо и уверенно, вспоминая, как часто наглость спасала «великого комбинатора» Бендера.

Но когда допросили иных продавцов универмага, они признались. Они не были «великими комбинаторами», а только мелкими жуликами, безвольными мелкими людишками, которых соблазнил Соколов.

И вот Михаил Васильевич Соколов понял, что попался. И он повторил классическое восклицание своего знаменитого тезки, Михаила Васильевича Кречинского: «Сорвалось!»

Так именно он и сказал. Но признаться во всех махинациях не пожелал.

Два злостных, прожженных спекулянта, обворовывающих своих граждан, обманывающих свое государство, торгующих вместе с пальто, коверкотом, обувью — и совестью, Соколов и Воронин до конца отрицали свою вину. А у Воронина дома нашли 360 метров ткани: драп, шевиот, шолк, маркизет, ситец — и еще различные товары. Следственные органы вынуждены были после обыска составить на нескольких листах настоящий «прейс-курант торгового дома С. М. Воронин».

•

Дело № 85 закончено.

«Великие комбинаторы» Соколов и Воронин получили по 8 лет с конфискацией имущества. Г. Цатуров — 5 лет. Анисья Цатурова — 2 года условно: суд принял во внимание, что она мать двоих маленьких детей. Козырев, Зиновкин и Дикова — по году. Козловский — 6 месяцев. Двое оправданы.

Маленькие, жалкие люди, которых так легко соблазнить, попали в опытные руки ловких мошенников. Не явись Соколов — и Анисья Цатурова, и Дикова, и Козловский не сидели бы на скамье подсудимых.

Но если бы Цатурова и другие не оказались столь падкими до соблазнов, никакой «Остап Бендер» не смог бы совершать свои мошеннические комбинации.

Под парусами

Фотоочерк Г. Гунгендорфа

Яхты на Малой Невке в Ленинграде.

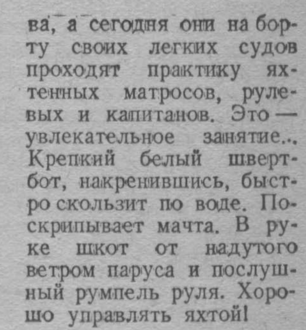
Ветер развевает вымпелы на мачтах, треплет боевые флаги на носовых флагштоках, срывает с труб хлопья светлого дыма и уносит легкий пар раскатистых сирен...

На палубах оживление: сегодня предстоят парусные гонки. Парусный спорт стал любимым во флоте. В плавании под парусами приобретаются, как говорят моряки, «морские ноги», и действительно, для молодых моряков управление парусом — лучшая школа.

И всюду, где в нашей стране есть водный простор, скользят быстрые яхты и легкие швертботы. Добровольные спортивные общества создали и продолжают строить собственные флотилии парусных судов. Вслед за старейшими в стране центрами парусного спорта: Ленинградом, Одессой и Таганрогом,—вслед за поволжскими городами Горьким, Куйбышевым, Саратовым и Сталинградом парусный спорт быстро развивается в Москве, Киеве, Днепропетровске, Баку.

Канал Волга — Москва с его водохранилищами дал возможность заниматься парусным спортом у самой столицы. За короткий срок московские яхтсмены получили более ста классных судов, и флотилия швертботов на Клязьминском и Химкинском водохранилищах уступает сегодня только яхтклубам Ленинграда, насчитывающим сто сорок семь вымпелов.

Зимними вечерами яхтсмены изучают в парусных школах тонкости судоводительского искусства, а сегодня они на борту своих легких судов проходят практику яхтенных матросов, рулевых и капитанов. Это — увлекательное занятие.. Крепкий белый швертбот, накренившись, быстро скользит по воде. Поскрипывает мачта. В руке шкот от надутого ветром паруса и послушный румпель руля. Хорошо управлять яхтой!

Наши юноши и девушки с любовью и увлечением занимаются этим видом спорта. Чтобы поднять класс наших яхтсменов, установлена система соревнований. Готовясь к ответственным гонкам, парусники добровольных обществ и яхтклубов проведут отборочные соревнования и встречи на первенство городов. На Украине пройдет днепровская регата. Затем в начале августа в городе Горьком состоятся четвертые поволжские парусные соревнования; в конце августа в Архангельске, на Северной Двине, будет разыграна первая северная парусная гонка. В Таганроге в начале сентября пройдут соревнования парусников Азово-Черноморского бассейна.

Уже сейчас идет оживленная подготовка. Яхтсмены канала Волга — Москва начали плавание и промеры глубин для описаний обстановки плавания в новых бухтах и заливах. Они дойдут на своих судах до Московского моря.

Тысячи юношей, занимаясь парусным спортом, готовятся стать моряками, чтобы в нужный момент сменить легкий румпель на штурвал боевого корабля.

Член горьковского общества «Динамо» Клавдия Бажанова поднимает кливер.

За рубежом

ВОЛК, КОЗА И КАПУСТА. Любой школьник знает, как разрешить сложную проблему перевозки через реку на одной лодке этих трех «пассажиров». Английские власти в худшем положении. Перед ними стоит примерно такая же проблема: как вооружить широкие массы населения для борьбы с возможными парашютными десантами, не давая в то же время населению никакого оружия?

«Таймс» и другие почтенные органы английской печати всячески стараются помочь своим хозяевам, широко открывая свои страницы для всевозможных предложений и пожеланий об организации и снаряжении местных отрядов самообороны, но даже и с этой помощью дело у военного министерства не ладится. Добровольцев сколько угодно: уже в половине июня их насчитывалось около 400 тысяч. Причем это не старики какие-нибудь, напротив, среди добровольцев много молодежи, вполне годной к несению регулярной военной службы, но не попавшей в армию вследствие совершенно нелепых правил вербовки, как замечает один из корреспондентов «Нью стэйтсмэн энд нэйшен»; много и бывших кадровых солдат. Но кого дать им в начальники и, главное, как научить их стрелять из... пальца?

Глубокую горечь и раздражение вызывает в английском населении полная неспособность властей организовать самооборону страны. Настроение населения хорошо иллюстрирует опубликованное в «Нью стэйтсмэн энд нэйшен» письмо добровольца местного отряда самообороны одной из деревень западной Англии. Трагикомическую картину первого сбора местного отряда самообороны в его деревне этот доброволец описывает следующим образом. К трем часам ночи удалось собрать 25 добровольцев для охраны местного аэродрома, заброшенного, но удобного для посадки самолетов и высадки воздушного десанта. О снабжении этих «защитников родины» оружием никто не позаботился. Кое-как они набрали в деревне 18 охотничьих ружей и немного патронов, которыми можно было бы при удаче «убить вальдшнепа на расстоянии тридцати ярдов и немца — на расстоянии десяти»,— замечает доброволец. Вечером того же дня этот боеспособный отряд впервые встретился с представителями местной администрации, надеясь получить от нее какое-нибудь оружие. «Но мы не получили ничего, кроме небольшой дозы весьма расплывчатых советов».

Деревня решила провести мобилизацию собственными силами и в первую очередь потребовать от полиции выдачи разрешений на пользование боевым оружием. Население деревни принесло на алтарь отечества все спрятанное в глубоком подполье оружие: три старых револьвера и две винтовки. «До сих пор,— с возмущением пишет доброволец,— наш арсенал не пополнился, хотя прошло уже достаточно времени, чтобы дважды взять Голландию».

Но если винтовки, наконец, и будут выданы, их придется, как установил корреспондент «Нью стэйтсмэн энд нэйшен», хранить в полицейском участке, в нескольких милях от деревни. Другими словами, в случае воздушного или парашютного десанта собрать и вооружить местный отряд самообороны удастся не раньше чем через несколько часов после приземления десанта. А несколько часов в теперешней войне — время порядочное...

«Мы, деревенские жители, знаем друг друга. Отряд тщательно подобран, каждый член его абсолютно надежен. Почти все они или бывшие кадровые солдаты или сыновья бывших солдат. Они привыкли обращаться с огнестрельным оружием. У многих есть дома 16-калиберные охотничьи ружья, с которыми они охотятся за кроликами... Чистое безумие — не снабдить винтовками в военное время этих, максимально подходящих людей!»

Где те миллионы винтовок, которые были в стране к концу прошлой войны?— спрашивает доброволец. «Ведь нам не нужно современное оружие, старые «мартини» прекрасно подойдут для наших целей».

«Хорошо было бы,— замечает он,— если бы правительство могло понять, какое раздражение вызывают в стране медлительность военного министерства и наша неспособность использовать добровольцев. Некоторым политическим деятелям было бы полезно послушать разговоры моих товарищей по отряду, которые велись в то время, когда мы бродили вокруг мокрого аэродрома, вооруженные несколькими охотничьими ружьями».

«Никто не может понять, почему возникает какое-то беспокойство по поводу раздачи винтовок отрядам»,— наивно замечает доброволец и через несколько строк, сам того не замечая, отвечает на этот вопрос:

«Добровольцы готовы подчиняться любому начальнику, имеющему военный опыт, но они ни в малой мере не заинтересованы в том, чтобы этими начальниками были их помещики или другие местные магнаты. Общераспространенно мнение, что страна очутилась в тяжелом положении из-за имущих классов, и очень неудачно, что правительство выбирает как раз старых, отставных военных, причем некоторые из них не принимали даже участия в прошлой войне, а правительство сажает их на голову людям, популярным в деревне и имеющим военные отличия».

В вопросе об управлении добровольческими отрядами, так же как и в вопросе о вооружении их, тот же заколдованный круг: как найти руководителей, которые были бы достаточно авторитетны и в то же время не были бы достаточно популярны? Ведь кто его знает, куда оно начнет стрелять, это оружие, и куда они поведут отряды, эти руководители?

ИЗ СТАРЫХ АНЕКДОТОВ. Немецкий иллюстрированный журнал «Берлинер иллюстрирте» рассказывает забавный анекдот о «железном канцлере» Бисмарке и императоре Вильгельме. Старый канцлер жаловался старому императору, что порой ему приходится из-за плохого здоровья отказываться от куренья и от вина. Император пожурил своего слугу за такую «дряблость», заявляя, что он никогда не лишает себя хорошей сигары и стакана хорошего вина. «Да это ведь понятно, ваше величество,— добродушно заметил «железный канцлер»,— всадник всегда выдерживает дольше чем лошадь, которая его везет».

Новое в науке и технике

ЛЕЧЕНИЕ СУСТАВНОГО РЕВМАТИЗМА. Суставной ревматизм — одна из очень широко распространенных и трудно поддающихся радикальному лечению болезней. Опыт многих врачей-практиков свидетельствует о том, что боли в суставах, вызываемые этим заболеванием, сильно уменьшаются, а порой и совсем исчезают при одновременном заболевании желтухой. Это наблюдение побудило немецких врачей попытаться лечить суставной ревматизм внутривенным впрыскиванием желчных солей и пигментов, обильное поступление которых в кровь, а из нее — в ткани и является одним из основных симптомов желтухи. Эти впрыскивания значительно облегчают боли в суставах.

БОРЬБА С ГРИППОМ. Американские бактериологи Чарльз Честер Сток и Томас Фрэнсис сообщают в «Журнале экспериментальной медицины» (США) о своих успешных опытах приготовления антигриппозной вакцины из гриппозного вируса, взвешенного в мыльном растворе. Ученые измельчали легкие мышей, зараженных гриппом, и изготовляли из них сильнодействующую гриппозную прививку, убивавшую здоровых мышей. При подмешивании обыкновенного мыла к взвеси гриппозного вируса ученые получили вакцину, впрыскивание которой здоровым мышам предохраняет их от заражения гриппом. Эти мыши не заболевают даже при впрыскивании им больших доз чистого, активного вируса.

Действие этой прививки учеными еще не выяснено. Они продолжают ее детально изучать на экспериментальных животных.

САМОЛЕТЫ — ПЕРЕНОСЧИКИ ТРОПИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ. Хотя на больших высотах количество бактерий и насекомых — носителей микроорганизмов — значительно меньше чем у поверхности земли, самолеты все же иногда переносят возбудителей инфекций. Установлено, что в результате введения регулярного воздушного сообщения между Африкой и Южной Америкой в одном из районов Бразилии вспыхнула эпидемия малярии: самолеты занесли из Африки переносчика малярии, комара-анофелеса. Из 50 тысяч человек, населяющих этот район, малярией заболело 90 процентов. Население, не знавшее ранее малярии и не обладающее сопротивляемостью этому заболеванию, вырабатывающейся в организме в течение долгого времени, переносит его очень тяжело. Смертность доходит до 10 процентов.

«ИСКУССТВЕННЫЙ» КРОЛИК. Показанный на фото кролик — результат удачного опыта развития животного из яйцеклетки без оплодотворения ее сперматозоидом. Яйцеклетка, взятая у крольчихи, была помещена в соответствующий солевой раствор, активизировавший эту клетку и вызвавший деление ее, то есть процесс, происходящий при естественном зачатии животного. После этого «химического зачатия» зародыш был помещен на стенку матки крольчихи другой породы. Здесь он прошел все стадии развития и родился в нормальный срок. Родилась самка, вполне жизнеспособная и способная к дальнейшему размножению. От своей «приемной матери» эта «искусственная» крольчиха не получила никаких внешних признаков: «приемная мать» была крольчиха-альбинос, «воспитанница» же ее принадлежит к той же шеншелевой, серебристо-серой породе, что и крольчиха, у которой взята была яйцеклетка.

«РЕНТГЕНОВСКИЕ КАБИНЕТЫ» У ЗАПРАВНЫХ КОЛОНОК. Одна американская фирма автомобильных покрышек с целью рекламы установила у многих заправных колонок специально сконструированные рентгеновские аппараты, позволяющие производить быстрое просвечивание покрышек и камер. Таким образом удается установить наличие застрявших гвоздей, осколков стекла и т. п. Незаметные при обычном осмотре, они вызвали пока лишь незначительные повреждения, но при дальнейшей езде могут привести и покрышку и камеру в негодность.

РАДИОДРЕССИРОВКА. Полицейский чиновник в Сиднее (Австралия) продемонстрировал недавно свою овчарку «Зою», которая выполняла приказы хозяина, переданные ей по радио.

На спине собаки прикреплен небольшой коротковолновый приемник. Находясь на расстоянии 50 ярдов от собаки, хозяин дает в микрофон переносного передатчика то или иное задание. Собака, прислушиваясь к голосу хозяина, раздающемуся из радиоаппарата, прикрепленного на ее спине, выполняет приказы: взбирается на высокую лестницу, задерживает человека и т. д.

Эти результаты были достигнуты после двухлетней дрессировки.

СВЕТЯЩИЙСЯ «ГРИБ» ДЛЯ ШТОПКИ. На немецком рынке появилась новинка—«гриб» для штопки чулок, шапка которого сделана из прозрачной пластмассы. Внутри шапки маленькая электрическая лампочка, питаемая от городской сети и соединенная с миниатюрным трансформатором, который превращает 110-или 220-вольтовый ток в 4-вольтовый. Этот «гриб» прекрасно освещает «операционное поле» и кроме того позволяет обнаружить на чулке выношенные места, грозящие прорваться, и дает возможность принять «профилактические меры».

Академик Е. ТАРЛЕ «Адмирал Нахимов». Журнал «Молодая гвардия» № 4 за 1940 год.

Имя адмирала П. С. Нахимова неразрывно связано с героической Севастопольской обороной, одним из организаторов которой он был. Во время Крымской войны 1853—1856 годов, которую вели против России Англия, Франция и Турция, Севастополь сопротивлялся врагу в течение одиннадцати месяцев. Правда, бездарное царское правительство, в конце концов, войну проиграло, но мужество русских солдат и моряков, сражавшихся под водительством Нахимова и его сподвижников: Корнилова, Тотлебена, и Истомина,— навсегда вошло в историю.

Академик Тарле воспроизводит в своей работе благородный образ замечательного русского военачальника, человека с огромным военным талантом и исключительным моральным авторитетом.

Нахимов в отличие от многих не смотрел на своих подчиненных как на «ступени для собственного возвышения». Матросы были в его глазах основной военной силой флота, и он стремился воспитать из них закаленных бойцов. «Вот чему,— говорил он с гордостью,—я посвятил себя; для чего тружусь неусыпно и, видимо, достигаю своей цели: матросы любят и понимают меня. Я этою привязанностью дорожу больше, чем отзывом чванных дворянчиков-с!»

В обороне Севастополя Нахимов и другие руководители Черноморского флота сыграли решающую роль. Для царской России чрезвычайно характерен уже тот самый факт, что защищать город пришлось именно им, адмиралам, которым, казалось, не полагается командовать войсками на суше. Однако главнокомандующий светлейший князь Меншиков не только сам ушел из Севастополя, когда к нему подошли англичане и французы, но и увел с собой всю свою армию.

То, что судьба Севастополя была вручена Корнилову и Нахимову, спасло город от немедленной сдачи. Академик Тарле подробно и красочно на основании огромного архивного материала показывает, как Нахимов и его друзья укрепляли брошенный николаевским правительством город и как самоотверженно они защищали его против превосходных сил противника.

Севастополь вырос на пути англичан и французов неожиданной и грозной преградой; потери при осаде Севастополя они понесли колоссальные и в результате вынуждены были отказаться от своих первоначальных планов и претензий.

Немало места академик Тарле уделил разбору ошибок, допущенных командованием англо-французской армии. Эти ошибки были столь грубы, что Нахимов собирался даже поехать по окончании войны заграницу, с тем чтобы публично назвать неприятельских генералов «ослами». Анализ этих ошибок представляет выдающийся — и не один лишь военно-стратегический—интерес. Уроки истории весьма поучительны, и нужно отметить, что они далеко не в пользу англо-французских «стратегов».

Р. ВОИНОВ

З. ЧАЛАЯ «Анатолий Серов». Изд. «Молодая гвардия». 1940.

«Среди многих тысяч замечательных военных летчиков нашей страны Анатолий Серов был лучшим военным летчиком-истребителем», — так начинает свое предисловие к книге З. Чалой дважды Герой Советского Союза Я. В. Смушкевич.

Анатолий Константинович Серов прожил всего двадцать девять лет. Но за свою недолгую жизнь он полностью проявил себя как бесстрашный сталинский сокол, как мастер воздушного боя, сочетающий безумную отвагу с совершенным владением сложнейшей техникой.

В книге З. Чалой о Серове прослежен весь его жизненный путь. Уже в детские и отроческие годы начал складываться характер будущего летчика: настойчивость, смелость, инициативность, готовность к риску, принципиальность в отношении к людям, коллективизм. Двадцати лет отроду в Оренбургской летной школе Серов впервые поднялся в воздух.

Очень скоро Серов как летчик обнаружил свой собственный стиль, свой «почерк». Быстро стали развиваться в нем волевые качества, необходимые летчику-истребителю.

«Эти качества,— рассказывал Серов,— не раз выводили меня из самого, казалось бы, безвыходного положения. Однажды в воздухе загорелась моторная часть самолета. Языки пламени проскакивали под ногами, увлекаемые назад потоком воздуха. Загорелась обувь, температура в кабине стала невыносимой.

Проще всего в таких случаях выброситься с парашютом и тем спасти себе жизнь. Я принял другое решение: спасти машину. На горящем самолете я добрался до аэродрома и, скользнув на крыло, чтобы направить пламя в сторону от себя, благополучно сел».

Этот случай произошел с Серовым на Дальнем Востоке, где он служил в 1933—1935 годах. Затем он учился в Москве в Военно-воздушной академии имени Жуковского и работал в Научно-испытательном институте летчиком-испытателем. 14 мая 1937 года Серов уехал в командировку в N-ные боевые условия.

Глава «В N-ных условиях» — одна из интереснейших в книге. В условиях фронта, в условиях напряженной борьбы с хорошо вооруженным противником, Анатолий Серов показал, на что он способен и как летчик и как командир. В одном бою ему пришлось драться одному против тринадцати врагов, остервенело набросившихся на него, и из этой небывалой схватки он сумел выйти невредимым. «За время своей командировки в N-ных условиях Серов сбил огромное число вражеских самолетов, точному подсчету оно не поддается. На нашей территории «показаны землей» (то-есть упали на нашей территории) пятнадцать сбитых им самолетов. Но много их упало на территории противника. Эскадрильей Серова в целом сбито свыше семидесяти самолетов противника (число, «показанное землей»), много больше самолетов уничтожено группой Серова на аэродромах противника». В Москву А. К. Серов вернулся трижды орденоносным Героем Советского Союза.

Последний год своей жизни Серов работал начальником Главной летной инспекции военно-воздушных сил РККА, сделав, по словам тов. Смушкевича, «очень много полезного и ценного для нашего Воздушного Флота».

Серов как-то сказал, что о его полетах будут писать книги и учебники, и эти слова с избытком оправданы всей его замечательной деятельностью.

Л. Г.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

ЗАКАЛЯТЬ ОРГАНИЗМ. История войн свидетельствует, что армии несут не столько потерь от огня противника, сколько от простудных заболеваний. Эти заболевания, особенно распространенные весной и осенью, наносят огромный ущерб государству и в мирной обстановке. Сотни тысяч людей, слегка промочив ноги или посидев минутку на сквозняке, выбывают из строя, становятся жертвами всевозможных инфекций и распространителями этих инфекций. Между тем предохранить себя от таких неприятностей не так уж трудно.

Великий русский полководец Суворов каждое утро обливался ледяной водой и заставлял то же проделывать своих солдат. Герои Советского Союза хасановец Дорофей Левченко и седовец Сергей Токарев и многие другие наши герои регулярно обтираются холодной водой. Братья Знаменские, как и некоторые другие наши спортсмены, всю зиму купаются в проруби. Немудрено, что из самых трудных испытаний эти люди выходят бодрыми и здоровыми.

Закалить организм очень легко. Надо только разумно и постоянно пользоваться солнцем, воздухом и водой и заниматься физзарядкой. Начав с пятиминутных солнечных и воздушных ванн, теплого душа или обтираний водой по пояс, каждый человек может приучить себя не бояться ни холода, ни ветра, ни сырости. Любой врач даст по этому поводу все необходимые указания.

ПЕРВЕНСТВО СССР ПО ФУТБОЛУ. 2 мая в Тбилиси начались матчи на первенство СССР по футболу. Первенство разыгрывается по двум группам — А и Б, в каждую из которых включено 14 команд. Всего будет проведено около трехсот встреч.

В группу А вошли следующие сильнейшие футбольные команды нашей страны: «Спартак»—Москва; «Динамо» — Тбилиси; ЦДКА — Москва; «Трактор»—Сталинград; «Локомотив центра» — Москва; «Металлург» — Москва; «Динамо» — Москва; «Динамо» — Киев; «Торпедо» — Москва; «Динамо» — Ленинград; «Крылья Советов» — Москва; «Локомотив Юга» — Тбилиси; «Зенит» — Ленинград; «Стахановец» — Сталино.

Первенство разыгрывается в два круга, то есть каждая команда встретится с другой два раза. Выигрыш дает 2 очка, ничья — 1 очко и проигрыш — 0 очков. Две команды, занявшие в группе А последние места, будут переведены на 1941 год в группу Б, а на их место поднимутся две лучших команды из группы Б.

В 28 командах, заявленных на участие в первенстве этого года, насчитывается (вместе с запасными игроками) 547 мастеров кожаного мяча.

Среди 547 участников первенства 29 коммунистов и 127 комсомольцев, причем команда тбилисского «Динамо» сплошь комсомольская. 502 игрока имеют значок ГТО первой ступени и 105— второй ступени.

Интересны данные о возрастном составе участников: 354 игрока старше 25 лет, 150 в возрасте от 20 до 25 лет и 43 игрока моложе 20 лет. Из участников первенства 42 имеют высшее образование и 315 — среднее. 53 футболиста впервые включены в число участников борьбы за первенство.

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ФИЗКУЛЬТУРНИКА. Советские спортсмены ко Дню физкультурника стремятся завоевать новые мировые и всесоюзные рекорды. Почти каждый день телеграф приносит известия об их победах.

Заслуженный мастер спорта СССР Израиль Механик установил новый мировой рекорд в жиме двумя руками для атлетов легкого веса. Он выжал штангу, весящую 110,3 кг, перекрыв на 1,8 кг рекорд австрийца Файна.

Новый всесоюзный рекорд в мотоциклетных гонках на 1 километр с места установил динамовец С. Бучин. Первый раз он прошел дистанцию в 1 километр за 38,54 секунды, а второй — за 37,6 секунды. Средний результат — 38,07 секунды, что дает среднечасовую скорость в 94,562 километра.

Харьковчанин Федоренко установил новый рекорд СССР в таких же гонках, но на автомобиле «ЗИС-101». Он прошел километр с места за 31,9 секунды, развив скорость 112,852 километра в час.

Прекрасные результаты показывает молодежь. Украинский школьник Володя Климовский метнул диск на 46,42 метра, побив свой всесоюзный рекорд почти на 3 метра. Четыре новых рекорда по плаванию установил пятнадцатилетний минский школьник, отличник учебы Коля Крюков. 100 м кролем он проплыл за 1 минуту 4,2 секунды; 100 м на боку — за 1 минуту 15,7 секунды; 50 м кролем — за 28,3 секунды и 50 м на боку — за 34,6 секунды. Теперь Коле Крюкову принадлежат уже 7 рекордов СССР.

Советским спортсменам сейчас иногда приходится отбирать мировые рекорды и друг у друга. Мировой рекорд в толчке левой рукой давно принадлежал ленинградскому полутяжеловесу Николаю Кощелеву. Недавно в Севастополе техник-интендант 2-го ранга тов. И. Мальцев превысил его достижение. Мальцев толкнул левой рукой 108,5 килограмма.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

МАТЧ БОТВИННИК — РАГОЗИН

Десять лет назад ленинградский шахматист В. Рагозин получил звание шахматного мастера СССР. За этот период, участвуя в ряде турниров на первенство СССР и международных турнирах, он добился выдающихся результатов.

Отмечая десятилетие деятельности Рагозина как шахматного мастера, спортивное общество «Строитель» организовало его тренировочный матч с чемпионом СССР, гроссмейстером-орденоносцем М. Ботвинником.

Матч из двенадцати партий, окончившийся со счетом 8½ : 3½ в пользу Ботвинника, еще раз подтвердил высокий класс игры чемпиона СССР и выявил слабые стороны творчества Рагозина, главное, — недостаточную технику реализации преимущества. Кстати сказать, этот недостаток в игре свойственен большинству наших шахматистов. Основная цель матча — тренировка перед 12-м первенством СССР по шахматам — выполнена. Участники получили хорошую практику к предстоящим шахматным боям.

Приводим пятую партию матча, блестяще выигранную Ботвинником.

Английская

Ботвинник	Рагозин
1. c2 — c4	e7 — e5
2. Kbl — c3	Kg8 — f6
3. Kgl — f3	Kb8 — c6
4. d2 — d4	e5 — e4

Спокойнее 4. ... e : d 5. K : d4 Cb4. Рагозин избирает более острое продолжение, но Ботвинник, являющийся большим знатоком английской партии, вскоре получает дебютное преимущество.

5. Kf3 — d2 Cf8 — b4
6. e2 — e3 0 — 0
7. Cf1 — e2 Лf8 — e8

Лучше было 7. d6 8. 0—0 C : c3 9. b : c Cf5.

8. 0 — 0 Cb4 : c3
9. b2 : c3 d7 — d6
10. f2 — f3! . . .

Белые смело жертвуют пешку, чтобы использовать связку коня f6 и получить атаку на королевский фланг.

10. . . . e4 : f3
11. Ce2 : f3 Лe8 : e3
12. Kd2 — b3 Лe3 — e8

Жертва качества после 12. Л : c3 13. Ce2 Л : c1 14. Л : c1 не облегчала положения черных.

13. Cc1 — g5 Kc6 — e7

Ослабление пешек, прикрывающих черного короля, неизбежно. Поэтому черные спешно перебрасывают фигуры для защиты от нападения белых фигур на королевский фланг.

14. Фd1 — d2 c7 — c6
15. Лa1 — e1 Cc8 — f5
16. Cg5 : f6 g7 : f6
17. h2 — h4 d6 — d5
18. c4 : d5 c6 : d5

Нельзя 18. K : d5 19. Л : e8 + Ф : e8 20. C : d5, выигрывая фигуру.

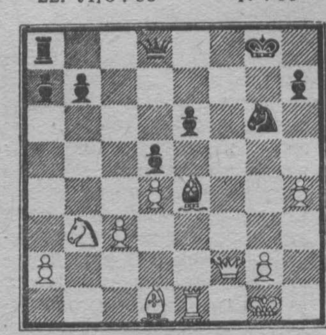
19. Cf3 — d1 Cf5 — e4

Угрожало 20. Л : e7 и 21. Л : f5.

20. Лf1 : f6 Ke7 — g6
21. Фd2 — f2 Лe8 — e6

После 21. Фc7 22. h5 и 23. Лe3 атака белых становилась весьма грозной.

22. Лf6 : e6 f7 : e6

23. h4 — h5 Kg6 — f8

И после 23. Kh4 24. Фg3 + Kpf8 25. Лf1 + черный король оставался в центре доски и подвергался смертельной атаке.

24. Фf2—g3+ Kpg8—f7

Или 24. Kph8 25. Фe5 + и 26. Лe3.

25. Лe1—f1+ Ce4—f5
26. Фg3 — f4 Kf8 — d7
27. Cd1 — c2 . . .

Уничтожая последнюю надежду получить контригру, после 27. g4 Фh4.

27. . . . Фd8—b8
28. Фf4—h6! Фb8—g8
29. Cc2 : f5 e6 : f5
30. Лf1 : f5+ Kpf7 — e7
31. Лf5 — g5+ Фg8 — e6
32. Лg5 — g7+ Черные сдались, ибо после 32. Kpd6 33. Л : d7 + Kp : d7 34. Kc5 + они теряют ферзя.

КРОССВОРД

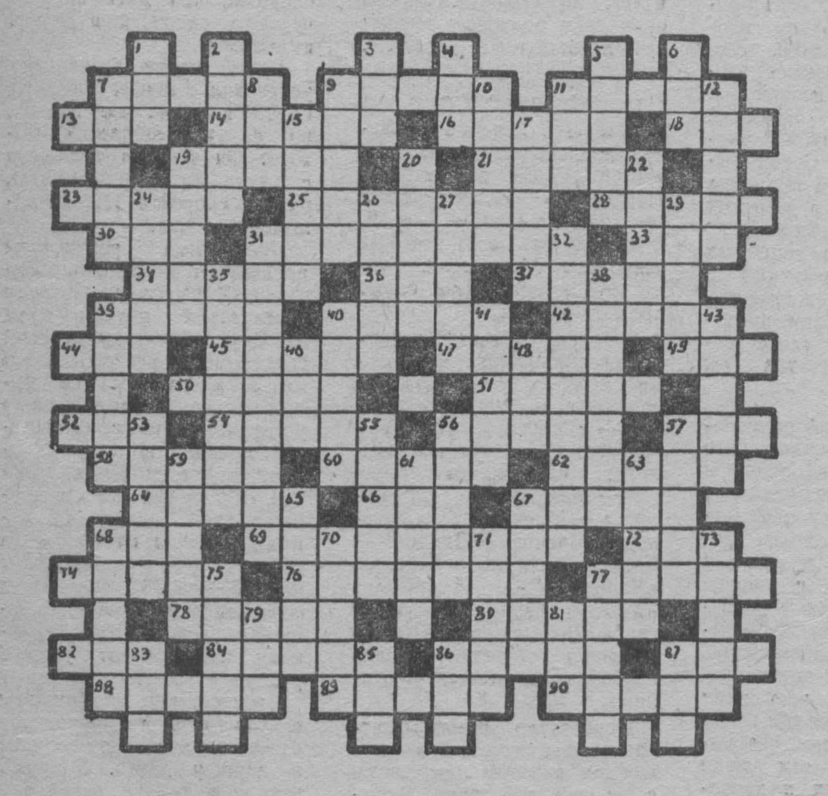
СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» М. М. РАЙХЛИН

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Название произведения Куприна.
9. Помещение для автомашин.
11. Рыбное изделие.
13. Известный ученый.
14. Вещи пассажира.
16. Воодушевление.
18. Невольник.
19. Одночлен.
21. Единица веса в ювелирном деле.
23. Насекомое.
25. Цветок.
28. Монета.
30. Стрельбище.
31. Паровоз.
33. Направление распространения света.
34. Точка, диаметрально противоположная зениту.
36. Млекопитающее.
37. Рисунок-загадка.
39. Движение по воздуху.
40. Движение воды.
42. Столярный инструмент.
44. Английский социалист-утопист.
45. Химическое вещество, применяемое в фотографии.
47. Корсар.
49. Геометрическая фигура.
50. Временное помещение.
51. Взрывчатое вещество.
52. Прибор для измерения глубины.
54. Мурава.
56. Камень космического происхождения.
57. Животное.
58. Летчик.
60. Растение.
62. Река в Западной Африке.
64. Пожарный инструмент.
66. Большой званый обед или ужин.
67. Веревка.
68. Название журнала футуристов.
69. Тело, способное откликаться на колебания определенной частоты.
72. Столетие.
74. Свидетельство для льготного проезда по железной дороге.
76. Кушанье.
77. Сильный холод.
78. Стадо лошадей.
80. Помидор.
82. Задний план картины.
84. Навет.
86. Тропический фрукт.
87. Оружие.
88. Рыльце посудины.
89. Материя.
90. Молочный продукт.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Растение.
2. Храм.
3. Слуга.
4. Болезнь.
5. Передняя часть здания.
6. Молочный продукт.
7. Кузнечный инструмент.
8. Восточный царский титул.
9. Висячая постель.
10. Часть костюма.
11. Густой лес.
12. Хлебное изделие.
15. Наречие, диалект.
17. Бродячий мусульманский монах.
19. Разновидность оленя.
20. Предел.
22. Зимняя одежда.
24. Музыкальный термин.
26. Птица.
27. Открытый жолоб для перемещения жидкостей.
29. Часть, ломоть.
31. Работник печати.
32. Специалист по лечению животных.
35. Политикан.
38. Композитор.
39. Наводнение.
40. Уборка трав.
41. Неудачная посадка самолета.
43. Прибор, усиливающий звук.
46. Посуда.
48. Помост, настилка дощатая или иная внутри строений.
53. Высочайшее в мире плоскогорье.
55. Давление.
56. Животное.
57. Движение воздуха.
59. Часть пушки.
61. Орудие наказания в царском флоте.
63. Танец.
65. Род цепкохвостых обезьян.
67. Жилище личинки насекомых.
68. Цитрусовое растение.
70. Отложения снега на полотне железной дороги.
71. Известный роман Драйзера.
73. Машина для забивки в грунт свай.
75. Газ.
77. Здание для верховой езды.
79. Русский скульптор 60-х годов.
81. Растение.
83. Режущий инструмент.
85. Дорожный мешок.
86. Кнут.
87. Сказание о богах и героях древности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 19 «ОГОНЬКА».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Портик. 4. Гигант. 8. Диоген. 11. Асбест. 17. Ре. 18. Вавилон. 19. Сцилла. 20. Казаков. 21. По. 26. Кир. 27. Фиорд. 29. Браманте. 30. Афина. 32. Пти. 33. Перро. 34. Скирд. 35. Мираж. 36. Стиль. 43. Или. 44. Минор. 45. Афродита. 46. Артек. 47. Ост. 48. Ад. 49. Колонна. 52. Картон. 53. Палаццо. 56. Он. 61. Лотос. 62. Сплин. 63. Фидий. 64. Олово. 71. Ус. 72. Рафаэль. 73. Нихром. 74. Мичиган. 75. Су. 80. Ира. 81. Греза. 83. Орнамент. 84. Салон. 86. Око. 87. Термы. 88. Гавот. 89. Адлер. 90. Ампир. 97. Абq. 98. Акула. 99. Темпието. 100. Агава. 101. Оса. 102. Аз. 103. Барокко. 106. Сноска. 107. Барабан. 110. Ют. 115. Шлиман. 116. Атлант. 117. Свекла. 118. Студия.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Перикл. 2. Ра. 3. Ива. 5. Иго. 6. Ар. 7. Тициан. 8. Дюлонг. 9. Ом. 10. Ева. 12. Сто 13. Еж. 14. Тропик. 15. Пилон. 16. Давид. 22. Артерия. 23. Абордаж. 24. Левитан. 25. Аполлон. 27. Форум. 28. Докер. 30. Атака. 31. Аттик. 37. Пират. 38. Анион. 39. Приам. 40. Мирон. 41. Страх. 42. Стена. 50. Осока. 51. Непал. 54. Алиби. 55. Целла. 57. Тор. 58. Пий. 59. Тит. 60. Ява. 65. Мумия. 66. Палех. 67. Гиена. 68. Гомер. 69. Виола. 70. Тулон. 76. Баженов. 77. Когорта. 78. Стадион. 79. Дорифор. 81. Гамма. 82. Абака. 84. Сфера. 85. Нимфа. 91. Ламанш. 92. Купол. 93. Аманат. 94. Черкес. 95. Даная. 96. Хартия. 104. Ара. 105. Кот. 108. Аул. 109. Акт. 111. Си. 112. Па. 113. Ре. 114. Яд.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполн. Главлита А—29840. Изд. № 724. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 5/VI—40 г. Подписано к печати 10/VII—40 г. Зак. 2110. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

К сведению читателей газеты „ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА“

С 1 июля 1940 г. подписная цена на «Пионерскую правду» увеличивается. Газета будет стоить 75 копеек в месяц. Поэтому с подписчиками производится следующий перерасчет.

Тому, кто с апреля подписался на четыре и пять месяцев, газета высылается до 1 августа.

●

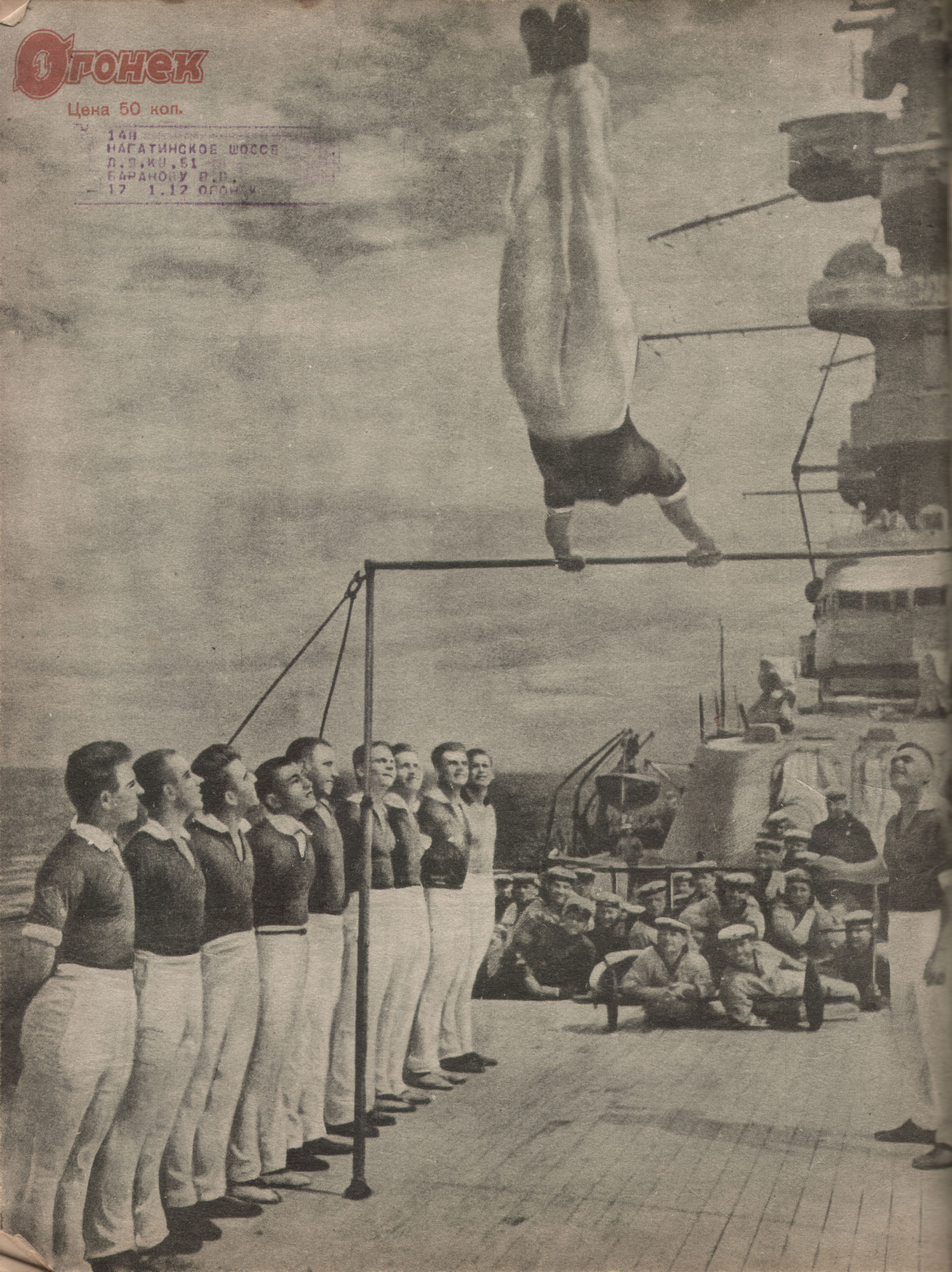
Подписавшимся с апреля на 6 месяцев газета высылается до 1 сентября.

●

Подписавшимся с апреля на 7 и 8 месяцев газета высылается до 1 октября.

●

Тем, кто подписался с апреля до конца года, газета высылается до 1 октября, но, доплатив 1 рубль 80 копеек, подписчики будут получать газету до конца года. Деньги необходимо доплатить не позднее 10 сентября в то почтовое отделение, которое доставляет газету, но только нужно принести с собой старую квитанцию. Если вы ее потеряли, заявите об этом на почту, и там найдут вашу карточку формы № 4.

Огонек
Цена 50 коп.
НАГАТИНСКОЕ ШОССЕ
БАРАНОВУ В.В.